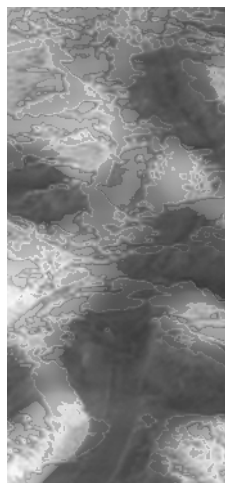

Сборник поэзии и прозы

Ярославов День

Великий Новгород 2011

**ББК 84 (2Рос)
Я43**

**Составители:
И.Г. Назарова, В.Р. Исаков**

**Оформление, компьютерная верстка:
В.И. Березовский**

**Фотография обложки:
А.А. Кочевник**

**"Ярославов день: сборник поэзии и прозы". - Великий
Новгород: ЗАО "Новгородский технопарк", 2011. - 168 с.**

**Сборник поэзии и прозы подготовлен к "Ярославову дню"
- университетскому празднику в честь присвоения НовГУ
имени новгородского князя Ярослава Мудрого.**

**В книге представлены ранее не публиковавшееся
творчество участников Литературного клуба при
университете.**

**Все авторы так или иначе связаны с Великим Новгородом
и НовГУ своим прошлым, настоящим, будущим. А их
произведения в значительной мере отражают
переживания наших современников как личного, так и
общественного характера.**

© - Новгородский государственный университет, 2011.

© - Авторы, 2011.

"Грядущего нам не дано избежать..."

Вместо предисловия

Очередной, седьмой по счету, сборник произведений участников Литературного клуба при НовГУ по сложившейся традиции приурочен к Ярославову дню - празднику присвоения университету имени Ярослава Мудрого. Как известно, Великий князь придавал большое значение обучению новгородцев грамоте и всяческим наукам.

40 человек на этот раз пожелали стать авторами сборника, 32 из них успешно прошли сито отбора. Были отсеяны не только малограмотные материалы, но и откровенно дилетантские, "детские" вирши, всяческие частные "поздравлялки". Отвергнуты были также чисто журналистские статьи. Отсечению подверглись и произведения, нарушающие общепринятые эстетические нормы, смакующие, например, низменные желания, суицид.

Хотя авторам были предъявлены повышенные требования к знанию русского языка и правил стихосложения, однако часть материалов подана в настоящем сборнике в авторской редакции, в особенности, когда авторское понимание смысла и образа убеждает в своей правоте.

В сборнике 5 разделов, причем, большую часть занимают стихи - квинтэссенция литературного творчества. Но главное в другом: в книге прекрасно сочетаются и уживаются не только этика с эстетикой, но и консерватизм с новизной, мудрое суждение с дерзновенным эмоциональным порывом. Авторы сборника уверены, что *"грядущего нам не дано избежать..."*, но нужно стремиться изменить в лучшую сторону сегодняшний день, из которого, как известно, и произрастает будущее...

Первый раздел сборника - ***"Тревожась о судьбе земли и неба..."*** - обозначил авторов с определенным багажом жизненного опыта. Личные мотивы все чаще уступают место глубинным размышлениям о родине и судьбе, причинах и следствиях событий, в конце концов, о смысле существования. Здесь каждый автор слышит тот небесный камертон, по которому настраивается душа...

Второй раздел - **"И счастье просто-напросто - жить..."** - собрал молодежь, энергичную, часто необузданную, утверждающуюся через ломку старых норм и традиций. Жизнь воспринимается ими как эксперимент с неизвестным результатом, несущий невероятный кайф и жуткое страдание одновременно. И очень важно при этом на все-все иметь свое неоспоримое мнение и изложить его в необычной форме...

Третий раздел - **"А потом вдруг, ни с того ни с сего..."** - отдан прозе. Здесь разноплановые произведения: рассказы, новеллы, сказки, иносказания, афоризмы... Но в любом повествовании, даже отдельной фразе, неизбежна кульминация, когда происходит, пусть маленькое, но чудо преображения окружающей действительности, начинающей течь по новому руслу. Вроде бы **"ни с того ни с сего"**...

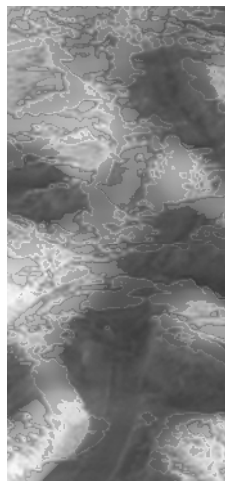
Четвертый раздел - **"Не щекочи мою любовь!"** - юмористический. Это нововведение нашего клуба - оригинальное по отношению ко всем литературным объединениям области. Здесь целый фонтан шуток, насмешек, эпиграмм, иронических фраз и игр, пародий, баек. Есть надежда, что эти страницы вызовут неискusstвенный смех...

Пятый раздел - экспериментальный. В нем на этот раз представлены два перевода (с эрзя-мордовского и с немецкого) и вариации на тему стихотворения знаменитого французского поэта 20 века, классика верлибра Жака Превера. Отсюда и название раздела: **"Понять другой язык, другого человека..."**. В современных условиях существования университета, активно участвующего в международной жизни, литературные переводы должны занять достойное место в наших изданиях...

В заключение выражу уверенность, что движение нашего Литклуба будет и в дальнейшем поступательным. Сложился костяк авторов, не чурющихся критики и взаимообогащения. В доброжелательных обсуждениях вырабатывается общее понимание красоты литературного искусства. Литклуб приобретает свое лицо на фоне современных противоречивых литературных тенденций.

Владимир Исаков

***"Тревожась
о судьбе земли
и неба..."***

Юрий ФАБРИЧНИН
доцент кафедры журналистики

* * *

Прости нас, Россия,
За то, что мы снова
Бунтуем - босые,
Без хлеба, без крова;

За то, что урок нам -
Грамота Фильки,
За то, что дороги -
Кресты да развилки;

За жертвы, за храмы,
За кровь, за руины,
За то, что мы - хамы
И - херувимы.

За то, что сплотиться
Не можем в неверье...
Уносит жар-птица
Горящие перья,

А мы, обессилив -
В кустах оголенных.
Прости нас, Россия,
Юнцов убеленных,

Задиристых старцев -
Прости нас, родная,
Пора бы расстаться
С раздором, с раздраем.

Мы всякий - во царстве,
Мы всякий - Мессия.
За наше бунтарство
Прости нас, Россия.

ПИСЬМЕНА

Квадратных башен
Острые шеломы...

Но, запрокинув голову,
Я вижу:
Не башни -
Заостренные писала
Сквозь землю проросли
Лозой кирпичной,
Как веткой красноталовой,
И чертят
Как на бересте,
На лазури светлой
Невидимые глазу письма.

Прочтем ли их?
Сумеем ли им внять,
От суеты полуденной остынув?

Тревожась о судьбе
Земли и неба,
Постигнем ли
Квадратных ратных башен
Речений смысл?

АРАКЧЕЕВСКАЯ ЛИПА

Она, как в золоте, в цвету.
В цветной ушла загул.
Слышны почти что за версту
Жужжание и гул.

Струит цветочный аромат,
И пчел над ней не счесть.
И каждый желтый венчик рад
Принять их и отцвести.

Спешит пчела, спешит успеть
В очередной прилет.
И будет зреть, и будет млеть
В тенистых сотах мед.

Случится, добрая душа,
Когда метель метет,
Мне чашку чая не спеша
Душистого нальет.

...Был эпиграммный генерал -
Царю и друг, и брат.
А вот ведь, пчелы, мед, аврал,
И липы все шумят.

СОКРАТ И ГЕТЕРА

1.

Шумлив и красочен базар
В полуденных Афинах.
Дает советы кулинар...
Томится скат в маслинах...

Где объявиться, как не здесь,
Манерам и нарядам,
Перед людьми предстать как есть,
Людей окинуть взглядом?

Здесь всем есть дело до всего -
И господам, и слугам.
И нет в Афинах ничего,
Что здесь не стало б слухом.

2.

Как рой, базар. Вот сквозь народ,
Не чуя в неге тела,
Себя всю в пурпуре несет
Красавица гетера.

За ней поклонники гурьбой.
Флирт обращая в сшибку,
Спешат, галдя наперебой,
Снискать ее улыбку.

И - на! Лицом к лицу - Сократ.
Хитон - о сжальтесь, боги.
Сдается, землю тяготят
Его босые ноги.

Затеян, видно, умный спор
Его учениками,
Но философский разговор
В базарной тонет гамме.

3.

"Привет, о нимфа Каллисто!
Твой взор кого ни манит!
Так пусть еще лет этак сто
Краса твоя не вянет".

"Привет тебе, каменотес,
Из чрева повитухи!
Пребудь и ты, что б ни стряслось,
Во здравии и в духе.

Ты стал известен. Рать юнцов
Тебя вознесть готова.
Позволь и мне, в конце концов,
Твое услышать слово.

Ответь, Сатир мой, как же так:
Ты им - про добродетель,
А я подам призывный знак,
И все, и, Зевс свидетель,

Твои палестра и ликей
Со мной, как к водопою.
А кликни ты моих друзей,
Пойдут они с тобою?"

4.

"Да усомнится, разве, плут
В канве твоих речений:
Ведь я - познаний тяжких труд,
Ты - легкость развлечений".

"Куда ж идти?" - "Спокон веков
На злачное летели.
Советы - не для дураков".
"Все свыше? Неужели?".

"По мне, так - нет. К вершинам путь
Или в низы, по склону, -
Ступая, волен присягнуть
Всяк своему закону".

"Выходит, в жизни я мудрей?"
"Да...Говоря открыто,
Для скакунов и для свиней
Свое, мой свет, корыто".

5.

Смех оживил лицо толпы:
Морщины, щеки, губы...
Смеялись те, кто не глупы,
Но больше те, кто глупы.

И только потные рабы
В повязках, что на бедрах,
Все так же хмуры и тупы
Таскали воду в ведрах,

А, может, в амфорах... С утра
Начнут отсчет клепсидры.
И все рассудит агора -
Молва, бобы, арбитры.

За непочтение к богам,
К свободным ленным нравам,
К олигархическим кругам,
Их пиршеским забавам,

За вольномыслие бесед
Вне принципов догмата
Приговорят к "неявке в свет"
Беспутного Сократа.

СКАЗ О ЗОЛОТОМ ЛИСТЕ

Тане

Был сир и холоден мой дом.
И в парке грустном и пустом
Бродил я, одинок.
Вдруг лист на ветке. Что он мне?
Он с ветром был наедине
И весь дрожал и дрог.

И я, искатель див и грез,
Я лист сорвал и в дом принес,
Свою с ним чуя связь.
А утром глянул - золотой
Лежал он, каждою чертой
Сияя и светясь.

А через день, иль, может, два
Поразнеслась о том молва.
(Ах, мир, он так речист).
И вот уже в мой дом спешат
Кому не лень, и стар, и млад
Взглянуть на дивный лист.

Не верят, ахают, глядят,
Судачат, шепчутся, галдят:
Везет, мол, чудакам.
И лист мой под ладонный всплеск
В глазах рождает жадный блеск
И ходит по рукам.

Всем любопытно: где достал,
Высокой пробы ли металл
И что за маг гравер.
И полон вспыхнувших надежд
Весь этот толков и одежд,
Презревший будни, хор.

Но вот по лестнице - каблук,
И не звонок, а легкий стук.
Та, что была мечтой,
Стоит, веселая, в дверях,
Как будто боль, и грусть, и страх -
Все - только звук пустой.

Стоит - улыбка так чиста
Так взгляд невинен, так уста
И алы и свежи,
Как будто жизнь вся - вешний гам
И все цветы - к ее ногам,
И нет ни бед, ни лжи.

- Входите, - гостье я сказал.
Она вошла, как в тронный зал
И, как к венцу, прошла.
И обернувшись у окна,
- Слыхала, - молвила она, -
Находка есть у вас.

Я подал лист ей. - Боже мой,
Какая прелесть. Но какой
В нем холод затаен, -
К устам приблизилась рука,
И содрогнулся лист слегка,
И уст коснулся он.

- Оставьте, - вскрикнул было я,
Но золотого бытия
Уже лишился лист.
Лежал он, чуть зажатый в горсть,
Слетевший с ветки грустный гость,
Оранжев и землист.

- Что вы наделали, мечта?
Как верил в таинство листа
Мой чуда ждущий взгляд.
И находил в нем красоту,
И был волшебному листу
И удивлен, и рад...

Я поднял голову. Один
Стоял я меж слепых гардин
И видел двор и грязь.
Там падал первый мокрый снег.
И весел хлопьев был разбег
И люди шли, смеясь.

СИНИЦЫ

В землю снег как врос -
Не оторвать.
И еще мороз
Градусов под пять.

Но о подоконник -
С чела, с ланит -
В трудах потогонных
Капель звенит.

А из кормушки -
Грудь на редут -
Синицы-хлопотушки
Сало крадут.

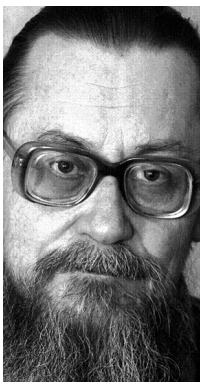
Простите, птицы.
Надо б в холода,
Да не подсуетиться
Было тогда.

ОКТЯБРЬ

Уронила листья осина.
Уронила листья береза.
Ветром сорвана парусина -
И симптом сколиоза.

И они - в предморозном страхе.
И земля - при дождях - в запое.
Пролетают над ними птахи,
Улетают они в заморье.

Неуверенность возвращенья
В их печальных и долгих кликах.
Словно просят они прощенья
У берез и осин безликих.

**Руслан
ДЕРИГЛАЗОВ**
*ответственный секретарь
журнала "Вестник НовГУ"*

ИЗ ЛЕТНЕЙ ТЕТРАДИ

* * *

Грядущего нам не дано избежать:
гадать - напрасно и бояться - глупо.
Бестрепетно смотри в глаза судьбе.

Доброе утро!

На Божий мир взгляну - растрогаюсь -
отрада сердцу и уму!
С балкона с дубом поздороваюсь
и ветку теплую пожму.

Сердце

Что скажешь, сердцу не прикажешь -
как биться и о ком скучать,
его не свяжешь, не развяжешь,
ни под замок, ни под печать.

И под печатью будет биться,
и под замком - от счастья петь,
и в горьком горе веселиться,
и от восторга холодеть.

И нипочем ему разбиться.
И нипочем ему сгореть.

На пороге дня

Луна висит в голубизне
уже не утренней, но не дневной еще -
и постепенно гаснет, испаряясь,
как слабый след ночного поцелуя.

* * *

В садах и парках буйствует сирень,
и соловьи заходятся в сирени,
своими трелями в благоуханной сени
как всполохами озаряя день.

* * *

Вода упруга под веслом,
уключины скрипят согласно.
И так вокруг светло и ясно.
Так беззаботно, безопасно.
И все-таки чревато злом.

Ливень

...Дождь затрогал, затрогал
маленькими своими холодными пальчиками
листья на деревьях - листок за листком -
и хлынул вдруг как из ведра,
и громко колыхнуло небо,
и сплошной ровный шум завесил окно,
отделив нас от мира.

Лето 2010

Белёсое от зноя небо.
Зеленая в пруду вода.
Трава пожухла, даль ослепла.
И все вокруг, истлев без пепла,
оцепенело навсегда.

Красавице

Когда бы рта не раскрывала,
не отворяла нежных уст,
не усомнился бы нимало
в уме и подлинности чувств.

* * *

Что за светлая топь под ногами?
И куда я - кругами, кругами?..

* * *

Сияет солнце с небосклона,
играют блики между строк.
Перебирая листья клена,
кайфует легкий ветерок.

* * *

Луною залит дом и сад,
и радость беспричинна,
и пол серебристо полосат
от лунности в гостиной,
и спать не хочется ничуть,
душа на волю рвется,
навстречу лунному лучу,
играет и смеется!

* * *

Стоят древесные громады,
листвы крутые лимонады
чуть всплескивая, не плеща,
и сень зеленого плаща
такой исполнена прохлады!

* * *

Мы все недужное отбросим,
и пусть запомнится, как есть,
и неба солнечная просинь,
совсем особенная здесь,
и дятла стук, порой несносен,
и золотых пылинок взвесь,
и этих корабельных сосен
главокружительная спесь.

* * *

Желтой рябью покрылись березы.
Бронзоветь начинают дубы.
Скоро, скоро зима и морозы.
Скоро, скоро угаснем и мы.

Кратово - Великий Новгород

**Татьяна
АЛЕКСЕЕВА**
пенсионерка

ЧЕРНОБЫЛЬ

*Детям Чернобыля
посвящается*

Ничто беды нам не сулило:
Безоблачное небо было,
Кузнечик стрекотал в траве...
Но чёрное нутро взбурлило -
И адова прорвалась сила,
Взметнула пламя вверх.

Предотврати беду, Всевышний!..
Девчушка в сарафане пышном
Спешила с мамой в детский сад...
Но смертоносный дым неслышно
Спускался на сады и крыши,
Жизнь превращая в ад...

Набатов сердце бьётся громко,
Как только вспомню я ребёнка
С недетской мукою в глазах...
Небытия и жизни кромка
Здесь оборвалась гулко, ломко,
В сердца вселяя страх.

За чью преступную беспечность
Заплачено страданием вечным
На десять жизней наперёд?!
Ген, словно мастер дел заплечных,
Проклятым атомом помечен,
В крови ещё живёт.

ЗА ВСЁ В ОТВЕТЕ

Когда в стране так часто плачут дети,
Когда у них не безмятежны сны,
Мне кажется, что я за всё в ответе,
Что в этом доля и моей вины.

Когда ещё сироты есть на свете.
Когда тепла не вдоволь и еды,
Мне кажется, что я за всё в ответе,
Что это я не отвела беды.

Когда грохочут войны на планете,
Спасенья нет от дыма и огня,
Мне кажется, что я за всё в ответе,
Мне кажется, что виновата я.

Разумны будьте взрослые и дети,
Храните дом по имени Земля,
Чтоб все мы просыпались на рассвете
От счастья и от песен соловья.

ИСТОКИ РОССИИ

Россия происходит от деревни,
От дедовой сохи и бороны,
Берестяных письмён и свитков древних,
И храмов, что иконами красны.

Она берёт начало с перелеска,
С душистой свежевспаханной земли,
Волны речной медлительного всплеска
И вёсен, что приносят журавли.

Россия происходит с тихой песни,
Рождённой из сердечной глубины,
В себя вобравшей мир, большой и тесный
И чувство неосознанной вины.

Россия начинается с порога,
Где, проводив меня, вздохнула мать...
Российской бесконечно дорогой
Мне предстоит немало прошагать...

ЧЁРНО-КРАСНОЕ ТАНГО

Алые зори...
Багрянец заката...
Вечно бы сниться
 розовым снам...
Чёрным тюльпаном
взметнувшись когда-то
в судьбы народов
 ворвалась война.
Чёрный и красный -
схлестнулись два цвета:
скорбь и отвага,
 угли и кровь...
Чёрного цвета
бинты в лазаретах,
пламенно-красным -
 в сердце любовь.
Красного цвета
пробитое знамя,
чёрного цвета -
 траур венков.

Вечным огнём
сердечное пламя,
красная с чёрным
 память веков.
Чёрная горечь
у чёрных надгробий...
Павшим в боях,
 умершим от ран
я возлагаю
с любовью и скорбью
красную розу,
 чёрный тюльпан.

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ

Есть белые птицы - с белыми крыльями,
Белые лошади - с белыми гривами,
Есть белые люди - с белыми душами:
Живут они ладно, Богу послушные.
А где-то есть рядом чёрные демоны.
Белому миру доводятся кем они?
Чёрные вороны - с душами алчными,
Чёрные нелюди - помыслы страшны их.

И люди просили - с белыми душами:
"Господь, упаси нас, правых послушников!"
В ответ услышали: "Нет вам спасения,
Доколе миритесь с уничтожением.
Что крылья сложили? Вы же не сломлены -
Силою пользуйтесь вашей огромною!
Что лица покрылись краскою смертною?
Пользуйтесь волею вашей безмерною!"

И, размахнувшись могучими крыльями,
Тьму разогнав белоснежными гривами,
Рать православных вставала послушников
С ликами светлыми, с чистыми душами.
В ужасе пятилась тьма покорённая
С чёрными душами, с лицами чёрными.
Правда и Свет поднялись исполинами -
Их прославляют хвалебными гимнами
Белые птицы - лебеди гордые,
Белые кони - с поступью твёрдую,
Белые люди - с чистыми душами
И поколения, вслед им идущие!

* * *

Через мелкое сито просеян,
Сыплет снег вперемешку с дождём.
День притихший уныл и рассеян -
Осень, осень течёт за окном.

Наступила пора бездорожья,
Чернотропа и первых охот.
И поля под озимую рожью
Обещают богатый год...

Блажь какая - бродить и мокнуть...
В жизни города свой "бекар":
Украшать перестала окна,
Отнесла в музей самовар...

Только память о детстве всеильна:
Свежий, сочный капустный хруст,
Между рамами - кисти рябины,
Несравненный рыжиков вкус...

СЕНТЯБРЬСКИЙ ПАГАНИНИ

Как-то, выйдя на кольцо трамвайном,
Сентябрём, обветренным и гулким,
Оказалась я совсем случайно
В незнакомом тихом переулке.
Вдоль дорожек - тополя и клёны,
Мальвы доцветающей розетки...
Ясень, сентябрём раззолочёный,
Прямо на балкон раскинул ветки,
Словно на старинной зарисовке.
И казалось слишком театральным,
Что с балкона старенькой "хрущовки"
Звук полился тихий и печальный.
Даже не поверила сначала:
Просветлённо, трепетно и зыбко
Музыка прекрасная звучала,
Тоненький смычок взлетал над скрипкой.
И казалось солнце - колесницей,
Жёлтый ясень - музыки обитель,
Юная скрипачка - певчей птицей...
(Я внизу - случайный чуткий зритель).
И не надо ей концертных залов -
Небо в росчерке кленовых линий...
Упоённо девочка играла,
Девочка играла Паганини.

ЛЮБОВЬ

Случайно угодив в твой сладкий плен,
Едва ли осознав любви рождение,
Молила Небо: "Дай освобождение,
Мне больше не осилить перемен!"

Напрасно не вставала я с колен
(О женское слепое заблуждение!):
Уж коль судьба послала заточенье,
Да будет прочной крепость этих стен!

Теперь порабощённая душа
К покою вновь вернуться не стремится
И, словно окольцованная птица,

Крылами бьёт, трепещет, чуть дыша,
Но всё ж свободой не соблазнится -
Бывает и неволя хороша!

Сергей
КАРТАШОВ

*доцент кафедры механизации
сельского хозяйства*

ДЕРЕВЕНЬКИ

Деревеньки уснули вдоль болот и лесов,
Это брошены гавани человеческих судеб.
И не слышно давно в них людских голосов,
Не поют петухи по утрам, и никто не разбудит.

А когда-то в домах лил и свет, и тепло,
Беспокоилась жизнь за своих постояльцев.
Но, ушли с этих мест, потерялись давно
В городах-небоскрёбах души вечных скитальцев...

Ты прости их, Земля! И лугов ширь бескрайних
Позабыли они и корнями вросли
В золотые глаза дней осенних, печальных
И в сиреневый цвет вдаль ушедшей весны.

Приезжают порой на родную сторонку,
По заросшим дворам своих водят детей.
Тихо слёзы текут, как в войну похоронки
Приносили в дома старых их матерей.

И отцов, что ушли, не вернувшись из боя,
Помнят избы - ещё им уже лет по сто.
И поэтому в душах нет ни сна, ни покоя,
За околицей ивы плачут павшим листом.

Сколько свадеб игралось, пир горой и веселье,
До утра под гармошку плыл туман голосов.
И дралась молодёжь - в кровь вливалось похмелье.
Деревенская жизнь - от неё не уйдёшь.

Годы шли чередой, пыль сменялась снегами,
Засыпало дворы равнодушьем людей.
В окнах гасли огни, и в такой панораме
Умирали деревни тенью прожитых дней.

С этой болью ушли и дождями омылись,
Словно в зеркале озера отразились те дни.
Души новых людей в эту Землю влюбились,
И в домах свет зажечь они снова смогли.

Как ребёнка малого пеленать и лелеять,
Им придётся когда-то возвратиться сюда.
Что, разрушить смогли, это надо посеять,
И росткам молодым пробиваться пора.

Прилетят птичьи стаи на ржаное приволье.
Ветер тёплый сорвёт с трав оживших росу.
И от края, до края раскинется поле,
Заплетая простор нив безбрежных в косу.

Запоют петухи, и оркестром орущим
Вновь оглохнет рассвет от такой кутерьмы.
Загудят трактора и в берёзовых рощах,
По стволам потечёт сок пришедшей весны.

ЗВЁЗДЫ

За далью даль, и день сменяет ночь.
И блеск звезды увижу только раз.
Я, верю в звёзды с самых юных лет -
Мир околдует синий, звёздный свет.

Узнать хочу, спросить у звёзд свой срок,
И сколько лет я прожил просто так,
Чего достиг, а что постичь не смог,
И кто мне друг, и где мой кровный враг.

Откройте тайну, звёзды, мир велик!
Вы к богу ближе, может, сами боги,
Ответьте звёзды, где мой светлый миг
И где душа моя таит пороки?

О, страницы и спутницы судьбы!
Вам имена даны, как создан Свет,
Примите вы мои, прошу, мольбы,
Не приносите людям страшных бед.

А ночь уйдёт, и вас закроет свет,
Начнётся день людских забот и будней.
Я, буду ждать вас сотни тысяч лет,
А, впрочем, нет, душа лишь только будет...

**Сергей
ПАРХОМЕНКО**

*оперативный дежурный
управления безопасности и связи*

ДЕТИ ВОЙНЫ

Родились в предвоенные годы
На просторах великой страны,
Пережившие боль и невзгоды
Малолетние дети войны.

Своих братьев, отцов заменяли
У станков в те военные дни,
Смерть, лишения и голод узнали
Эти юные дети войны.

Очень рано родных потеряли
В круговерти кровавой волны.
По приютам они вырастали,
Эти сироты, дети войны.

Из разрухи страну поднимали,
Мы сказать им "спасибо" должны,
И здоровье, и жизнь отдавали
Повзрослевшие дети войны.

Хоть давно уж бои отгремели,
Но по-прежнему, страшные сны
Часто видят в холодной постели
Постаревшие дети войны.

Почему ж они нынче забыты
И глаза их печалью полны,
На кого затаили обиды,
Что хотят они - дети войны?

Ждут заботы они и вниманья,
Мы о них забывать не должны.
И хотят только лишь пониманья,
Ведь они все же дети войны.

29 сентября 2011года.

ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИИ

Народная память несет чрез века
Событий былых отраженье.
И трудно сказать, как она глубока,
Где истина в ней, где сомненье.

Историю предков, заветы отцов,
Славянскую память хранили
Поэты-бояны и каста волхвов,
И жизнью за это платили.

Ведь хрупким носителем был человек,
Истории древней хранитель.
Хоть яркая жизнь, но недолог их век,
Когда торжествует воитель.

В Европе опять полыхает война,
Бедой став для многих суровой.
За земли воюют теперь племена
Под сенью религии новой.

Когда христианство тяжелой рукой
Язычество искореняло,
Для них, как служителей веры иной
Тяжелое время настало.

Немало их пало безвестных бойцов
В тех битвах теперь позабытых,
Охота велась на жрецов и певцов,
Враги не считали убитых.

Славянских народов редееет семья,
Теснят их недобрые силы.
В руинах дома и земля не своя,
Уходят, оставив могилы.

Жестока война против веры славян,
Их идолы, храмы разбиты.
Крестили насильно болгар, галичан,
На север ушли ободриты.

У Ильменя там, где их боги сильны
И жизнь не в пример безопасна,
Покой и приют получили они,
К словенам пришли не напрасно.

Славны ободриты культурой своей,
В ремеслах, торговле известны,
В строительстве доки, устройстве земель,
Их знания и опыт полезны.

В град стольный словенов в суровом краю
Они свои силы вложили,
И Старгород помня, столицу свою,
Град новым назвать предложили.

**Виктория
ВОЛКОВА**

*старший преподаватель
кафедры иностранных языков*

ОСЕНЬ

Желтые листочки осень предвещают,
Падают, кружатся, улета в ночь...
И, на лед похожие, мысли мои тают,
Унося с собою все надежды прочь.
Птицей пролетело солнечное лето,
В желтом клюве счастье унеся ,
И вино в бокале мною не допито,
И вернуться в лето нам уже нельзя...

НОЧЬ. ТИШИНА.

Ночь. Тишина. Так хочу позвонить -
И поздним звонком тебя разбудить,
Чтоб сонный твой голос мне тихо сказал:
"Привет! Как дела? Я так тебя ждал!"

Мне так одиноко в квартире пустой,
И грустно мне думать, что ты не со мной.
Хочу я о многом тебе рассказать,
А после - прижаться и нежно обнять!

Ночь. Тишина. Так хочу позвонить
И долго с тобой обо всем говорить...
Мне эти минуты дороже всего -
Хотя прятать боль совсем нелегко....

***Василий
ИВАНОВ***

*доцент кафедры механизации
сельского хозяйства*

ПОСЛАНИЕ ИЗ ФЕРГАНЫ

Родные милые мои,
Признание в верности примите!
И с сердцем, стонущим от скуки,
Свои сердца соедините!

Не так мне раньше представлялось,
Расстаться, - снова прилететь.
Представьте, даже удивляло -
Минуту скуки не стерпеть?

Но как жестоко наказало
Мое дурное предсказание.
Как сильно душу измотало
Мою - за позднее признание.

Кидаю камень в - "любоваться"
Ферганской скучной красотой.
Хочу я дома улыбаться,
Как раньше - с сыном и женой!

**Дмитрий
ИВАНОВ**
писатель

ПЕСНЬ О ХАРАЛЬДЕ

ПРЕКРАСНОВОЛОСОМ,

***доблестном конунге и предводителе викингов,
и прекрасной девушке по имени Гюда***

От Ирьяра и до Миклагарда
Нравом грозным был Харальд известен,
И о подвигах конунга скальды
Сочинили уж множество песен.
От разрушенных стен Хёрдаланда
Он прошёл до берегов Раум-Эльва
И казалось, от грозного взгляда
Даже волны покорнее пели.

Но не тешила сердце героя
Вакханалия битвы кровавой,
И пирушки, где яства горою
Показались постылой забавой.
То красавица Гюда виною,
Златокосая юная дева,
Что встревожила сердце героя,
Непонятым томлением первым.

И покорный пленительной воле,
Грозный Харальд друзей посылает,
К той, что стала смятенья виною,
К той, о ком он всё чаще мечтает.
Но, принявши посланцев высоких,
Гордо дева прекрасная молвит
Речь, что Харальда воинов жестоких
Поражает, как огненный молот.

- Мне ль идти за убогого ярла,
Одал чей так ничтожен и беден?
Что же Харальд сулит мне так мало?
Или должен он денег соседям?
Коли висы не врут о герое,
Коль жених мой умеет сражаться,
Пусть он правит Норвежской землёю,
И все ярлы ему покорятся.

И мрачней океанского шторма
Харальд был от такого ответа.
- Значит славы великого Горма
Суждено мне достичь в мире этом!
Призываю в свидетели асов,
Станет Один - хранителем клятвы,
Быть Норвегии в Харальда власти,
Или сгинет он в Хель безвозвратно!

А покуда обет не исполнен,
Волос мой пусть не ведает стали,
Диким зверем косматым на воле
Я желаю предстать пред врагами.
Разыграйся же жаркая битва,
Чтобы жаждой мечам не томиться.
Будет в землю сырую зарыта
Та глава, что мне не покорится.

И дрожали испуганно бонды,
Укрываясь в глубинах кургана.
И бурлили багровые волны,
Словно страшный оскал океана.

И драконии пасти драккаров
Покраснели в пылу жаркой битвы.
Овладевший Норвегией Харальд
Тихо недругов слушал молитвы.

Но судьба беспощадна к героям,
Хоть покорны и бонды и ярлы,
Тинг решение вынес такое:
Будешь зваться ты Харальд Харфагр.
Будешь зваться Прекрасноволосым,
В память славно исполненной клятвы,
Будут песни о Харальде грозном
Для потомков историей славной.

И на поле великого Тинга
Крикнул Харальд Прекрасноволосый:
- Вы жену мою мне приведите,
Мою Гюду - из золота косы!..
Пили пиво отважные воины,
У героя на свадьбе гуляя,
В разухабистых песнях застольных,
Павших в битве друзей вспоминая.

Ну а дева - из золота косы,
Другу сердце своё отдавая,
Прошептала - "Прекрасноволосый",
На века его так прославляя...
От Ирьяра и до Миклагарда
Нравом грозным был Харальд известен,
И о подвигах конунга скальды
Сочинили уж множество песен...

**Ирина
НАЗАРОВА**

доцент кафедры иностранных языков

"ПРОКЛЯТИЕ ЗОЛОТОГО ЦВЕТКА"

(впечатление от кинофильма)

Императрица Поднебесной
обыкновенно поутру,
готовясь выйти ко двору,
меняет облик свой чудесный
на тот единственно возможный
на образ царственно роскошный,
который подобает ей -
обворожительной тайфей.

На ней халат из легкой ткани,
похожей на жемчужный свет,
а на лице - печать страданий,
и слез ночных привычный след.
Их надо скрыть от сотен взоров.
В руках умелых очень скоро
ее печальные черты
предстанут чудом красоты.

Подведены искусной кистью
ее раскосые глаза,
в них потаенная слеза,
в которой скрыто столько истин.
но долг ей не дает излиться:
она не женщина - царица!
Так и живет, едва дыша,
под гнетом лет ее душа.

Ее душа живет без света
в тени дворцовой суеты,
в сетях интриг и пустоты,
в кругах бесчисленных запретов,
среди неслыханных сокровищ,
в плену искусственных чудовищ,
без понимания и любви,
по горло в собственной крови.

Блистают гребни золотые,
в тугих шелках ее волос,
и лепестки от чайных роз
несут рабыни молодые,
в сосуд с водою опускают
и осторожно омывают
настоем кисти нежных рук,
так повелел ее супруг.

Его послушаться не смеют,
его желания - закон -
есть, будет, было испокон...
Безжалостный, в нем хитрость змея
и сила тигра, и для царства -
необходимое коварство.
Ну что ж, царю дано царить,
царице - молча слезы лить.

Она в прекрасном облаченье
сверкая, как живой алмаз,
идет, не опуская глаз,
она, привычная к мученьям.
Идет вдоль длинных коридоров,
вдоль стен, украшенных узором,
по мягким бархатным коврам
заложница житейских драм.

У зала тронного встречаются
ее служанки каждый раз
дают настой (таков приказ)
из трав "целебных" в виде чая.
На выбор не имея права,
она покорно пьет отраву.
Так вероломно ей велят
пить долгодействующий яд.

Но силы жизни на исходе
и ей придется умереть,
о боли стоит ли жалеть?
душа вновь будет на свободе.
А тело пышно похоронят,
быть может, кто слезу уронит.
Забудут вскорости о ней -
обворожительной тайфей.

2008

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Настало время, маленькая Герда,
Вам предстоит далекий трудный путь,
И да хранит Вас Боже милосердный,
И даст Вам сил назад не повернуть.

Могучий норд суровыми ветрами
Вас встретит неприветливо в краю,
Покрытом льдом и вечными снегами,
Уснувшими под песнопенье вьюг.

Ни кустика, ни травки, ни былинки,
Лишь вечности бесстрастное лицо
Размножено в бесчисленных снежинках,
Затейливо украшенных Творцом.

В той саваном укутанной пустыне,
Где до костей промерзшая земля,
В ее бездушной жуткой сердцевине
Покоится дворец из хрусталя.

Его хозяйка - гордая царица
Со взглядом перламутровых очей
Не ест, не спит, не пьет, не веселится
Кай, дорогой, ведь ты не нужен ей.

Ты для нее забавная игрушка,
Бессмертие - таков ее удел,
Не знает слез монаршая подушка,
Ее никто любовью не согрел...

... Чу! Кони у ворот - шестерка белогривых...
Кай соскочил проворно с облучка.
Ее Величество сошла неторопливо
По лесенке в алмазных башмачках.

Окутанная северным сияньем,
Так несказанно хороша собой,
Безмерно одинокое создание,
Вся из льда и крови голубой.

У Снежной королевы в тронном зале
Зелено-синий ледяной паркет -
Как там красиво! Если бы вы знали...
Зеркальный пол струит зеркальный свет.

Цветы и листья сотканы морозом,
Там вечный холод, но всегда светло,
Порхают птицы, бабочки, стрекозы,
Прозрачные, как тонкое стекло.

Все впечатляет, только ненадолго,
Глаза устанут в белоснежной мгле,
И сердце, поврежденное осколком,
Вдруг вспомнит об утраченном тепле.

Конечно, Кай, в конце концов, очнется
От ледящих плоть и душу снов,
И в мир людей, к себе домой вернется,
Оценит свою первую любовь.

Достопочтенным станет семьянином,
Из памяти исчезнут без следа
Сиянье Севера и снежная равнина,
Забудется царица из льда.

Но вот однажды зимней вьюжной ночью
Она придет забрать его навек,
Царица Перламутровые Очи,
Одетая в холодный вечный снег.

2003 - 2011

ИЗВЕРЖЕНИЕ

Заманчивая выдумка Платона?
Легенда разорвавшейся земли,
Твои останки в царстве Посейдона
Ужель бесследно волны погребли?

...

...Перед глазами взорванная суша,
В ушах звучит утробный рев глубин,
Подземный гул напрасно волны глушат.
Восстал из недр природы властелин.

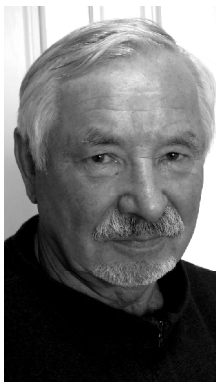
И потрясенно вздрогнули колонны,
Фонтан огня безоблачность пронзил,
Взбесилась твердь, раздались крики, стоны
И раскаленный пепел повалил.
"За что богов обрушилась немилость?" -
Беззвучно повторял верховный жрец,
Страдало тело, а душа молилась,
Неотвратимый близился конец.
Стихия разведала синий пеплос,
как саван, распростертый над страной,
и солнце лучезарное ослепло
от жгучих брызг, размешанных с золой.

Дробились скалы, подлетая в воздух,
Неслыханная сила подняла
Осколки ввысь так, что качнулись звезды!
Горело все! Все пожирала мгла!
Горело все, как грандиозный факел,
Пылая, корчились на дыбе небеса...
Ворвался ужас, но никто не плакал,
Всех поглотили ужаса глаза.

Природы лик безудержно калеча,
Трещали кости матери-земли,
Крошились с хрустом кости человечьи,
Расплавленные камни потекли.
Земля разверзлась. Волны поглотили
Обломки царства, гибнущий народ,
Кипела лава, шквал песка и пыли
Безумствовал и... рухнул небосвод.

Потом недолго всхлипывало море,
Дышал прерывисто могучий океан,
Исчезло все: любовь, надежды, горе,
Цари, рабы, и правда, и обман.
Был гордый мир, а вроде бы и не был,
Луч солнца глянул, кроток и слепящ,
На странное заплаканное небо
И чудом уцелевший синий плащ.

2005

**Александр
ЛУКИН**
офицер запаса

ХОККУ

(зимний мотив)

* * *

Кровью сочатся пионы
На первый снег -
Облететь не успели.

* * *

Красногрудый снегирь
Белое безмолвие леса
Украшает песней.

* * *

В метельное окно
Смотрю на старую яблоню -
Весны оба ждем.

* * *

В зимнюю полночь
Стою одиноко под небосводом.
Луна потерялась в небе.

* * *

Думаешь украшать мир -
Посмотри солнечным утром
В морозное окно.

* * *

Ветерок у озера подул.
Осенние листья эскадрой
Спешат в дальний путь.

**Владимир
КАСЬЯНОВ**

*выпускник исторического
факультета*

Из цикла

«СТРАНСТВУЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНОМ»

- Откуда я прибыл? - спросил царь.

*- Государь сидел в задумчивости, -
ответили справа и слева.*

Леңзы

1. В марте у моря

Вот море, которого я не видел в марте.
И город, где не был. Аллея, пустой фонтан.
Брусчатка какой-то грязно-бубновой масти,
крапленая голубями. Кафе-шантан,
в котором гуляет пока что один лишь ветер.
На набережной попадают: то один
прохожий, то пара. Делаю пару петель...
В городе пусто. Похоже на карантин.
Похоже, как будто город оставлен в спешке.
В бегстве забыли тут или просто так
оставили: урны и мокрые сыроежки
пляжных зонтов; и ржавый корабль в летах,
какой-то дырявый, брошенный старый сейнер,
угрюмый, как списанный боцман, курящий "Луч";
газету с заметкой о близости потрясений;
кем-то потерянный велосипедный ключ...

2. Умирать поезду к морю

Не время лирики. Время логистики. Время бренда.
Я засыпаю, глядя на Пита Брэда,
как и моя жена и мои соседи -
все мы сучим плавниками, но всюду сети.

Юзер - в корпоративной,
и лох - в торговой,
пользователь - в глобальной...
Я зверь с подковой,
найденной - после брошенной - Мандельштамом.

В приморском городе, вечером, под каштаном,
под шорох фонтанов, бедер и босоножек
я бы решил, что мир - не фиговый проджект.
Что прожит мой век бездарно, но все же прожит -
хотя и не век, но не мало, в сравнении с молью...

Да, умирать я, пожалуй, поезду к морю...

3. В гараже

Ласточки заплетают в косы белесую синеву.
Плавится толь на крышах. Вместо стены крапива.
Радиоволны оттуда, где варят в тазах айву,
где слышен горячий голос диско, шипенье пива,

шорох волны и гальки, даже шлепок ступни
мокрой богини, вышедшей замуж за армянина.
Радиоволны оттуда, где 30 уже в тени
и вяжет на языке от зелени и танина.

Мне кажется - где-то рядом, за ангаром из кирпича -
я слышу прибой, я чувствую запах бриза.
Колян обрубком пальца ищет себе ключа
на десять и матерится.

7. *Не твоя Итака*

Ты предпочел бы остров,
сына, жену и головы женихов,
возвращенное царство, астры
в саду и вино твоё из твоих мехов.

Ты предпочел бы скуке
быта, рутины: гоненье богов, войну,
влюбленных богинь, их склоки,
бегство, возможность трижды пойти ко дну
и возвращенье. Это
сказки. На деле ты попадаешь не
в эпос и на перо поэта,
а в анекдот "возвращается муж". И в твоём окне

чужая небритая тень и
профиль жены... Ворваться!? Убить?! Но ты
задыхаешься, вязнешь в тине
бессилия, сгустков бешенства, темноты.

Мечешься, натываясь
всюду на след измены, вливая, как
анальгетик, любую гадость,
грызя папиросы, еле держа в руках
то, чем ты был. И, ближе
к утру, доползешь до вокзала. И весь, каким
и должен быть - постаревшим -
оставишь сожженный остров, молясь благим

матом богам плацкарта,
пепел дворца, как перхоть, стряхнув с плеча.
- Не твоя, не твоя Итака -
изредка бормоча.

5. *Проклятье Улисса*

Теперь ты тоже два раза входивший в то же
самое море, в котором тонул Улисс.
Тебе важнее не имя, но соль на коже,
ты помнишь голос, не сохраняешь лиц.

Теперь, просыпаясь утром, ты слышишь то, чем
грезил во сне: крик чайки, прилив, прибой.
Ты знаешь, дно - это то, что пока мы топчем,
дно моря однажды пришедшего за тобой.

И где б ты ни жил, ты всюду на побережье.
Взгляд синевы - не знающий, что вблизи -
в фокус людей и вещи берет все реже.
Где бы ты ни был: в столице, садясь в такси,
в поселке, не сохнущем в жиге дождей осенних,
за столиком под платаном, - твой взгляд, сперва
короткий, вдруг удлиняется. Собеседник
теряется в дымке. Далее синева

и соль одиночества с запахом литорали.
Проклятье Улисса, который глядит на понт -
стремление найти чего-то, что не теряли.
Проклятье Улисса - стремление за горизонт.

6. Возвращение к морю

Едва синело - и только издалека -
море цвета строительного песка.
Трескалась почва по берегу над лиманом.
Коса уходила в море. Вдали, за ней -
разъедено солью, там еще солоней -
небо казалось нездешним, но иностранным.

Оттуда: в белых помятых клешах моряк
и треск в эфире, когда пролистнёшь Маяк,
писк позывных - тревожный призыв начала;
и там, под ним, плывут в океан суда.

Оттуда они никогда не зайдут сюда,
в рыбацкий посёлок, где ловят бычка с причала,
пристройку сдают приезжим за четвертак,
звезды в саду, цикады, ведро черешни,
марля в дверном проёме, МУЖ скворечник.

Сейчас всё то же и только одно не так.
Мелкое море, домашнее, без басов.
Внутренний водоём, а не даль для странствий.
В сизой дымке берег и там Азов.
В эфире нет загадочных голосов.
И я один в сжимающемся пространстве.

ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ!

Я смотрел в глаза. Целовал не многих, люблю одну.
Ночевал в горах. Хоронил друзей. Обнимал сосну.

Начинал с окраин, стремился к центру, а там - река.
Комаров кормил, матерясь, на кромке материка.

Пропивал совхоз с агрономом. Водой из пяти морей
полоскал и горло, и сердце; и употреблял хорей
с девяностопроцентным ямбом. Ходил по грибы в тайгу.

Мочился от страха. Луны не достану, но спеть могу.
Итого: не густо. Но, в общем, как раз, чтобы в тридцать три
отыскать погост, где закопан брат. Прошептать: - Смотри!
Я Твой блудный сын, я боялся смерти и темноты.
Но пусть будет так, не как я хочу, но как хочешь Ты!

РОЖДЕСТВО

Ни света, ни голоса твоего.
Некуда деться под Рождество.
Отдельная комната. Нынче очень
холодно. Грею в руке пятак
на всякий случай. Но мерзну так,
что кажется мне - Бог Отец как отчим...

Крупа монотонно стекло сечет...
Так-то встречать Рождество в пещере!
За стенкой бухает небритый черт.
В бачке у кого-то вода течет.
Вселенским холодом тянет в щели.

Выйти на улицу - там пустырь,
фонарь, вцепившись в кривой костыль,
черной башкою стучит о стену,
просит прохожего дать огня.
В этом городе у меня
бесприютность вошла в систему.

Когда ты мерзнешь, стучишь "драже",
когда "уехал" звучит уже,
как будто "умер", как будто "нету" -
то тем дороже: клочок фольги,
корка лимона и швы строки.
И то, что грею в руке монету...
и то, что сердце мое об лед
как рыба хвостом, задыхаясь, бьет.
И это лучше сейчас поскольку -
ни света, ни голоса твоего
и некуда деться на Рождество.
Выпью заварки и лягу в койку.

4 ИЮНЯ 1972. ИОСИФУ

АЛЕКСАНДРОВИЧУ БРОДСКОМУ.

Сидя на чемодане.
Сидя на чемодане,
где смена белья, рубашка, бритва, записка на
первое время. Фото. Иосиф, тебя продали
братья и сестры. Просто выбросили из окна

в Европу. И, глядя вперед, не глядя в будущее, отшельник
щурится близоруко, сутулится. И ему
душно, ворот рубашки трёт ему как ошейник.
Ответа не ждет. Ответа не требуется, потому

что Ильич не читает спичей, тем более чьих-то писем,
ни Флавия, ни Давида. Не знает, что тот еврей,
сидя на чемодане, - стал уже независим,
великоват эпохе и больше уже, скорей,

римлянин, чем лишенец. Тот, чья латынь в итоге
переживет империю, сбит с толку, два дня не брит -
сидя на чемодане, без будущего в дороге,
вечности добирает, Родине говорит:

- Родина, чьи рыдания не держит глагол, до встречи.
До встречи, гранитный профиль, до встречи дома, куда
вернусь, вероятно, тенью. Надеюсь, что Частью Речи.
Изгнанником - никогда.

**Светлана
ДЕРЕПАЩУК**
поэт, журналист

КАК ПОЦЕЛУЙНА СУТЬ...

Плоть камня в тень тенёт воткал смешливый день.
Грань выдалась вперёд, в синичковую звень.
Гранит в дремоте: "Эх, искриться б я не прочь..."
Гладь глыбову в мех мха укутывает ночь.

Гладь серое плечо, побитое дождём.
Граниту нипочём? Нет, шепчет: "Подождём..."
Когда сгустится мрак, когда остынет мир,
отдам своё тепло тебе, о мой кумир!"

И лёгкой ножки ступь секундово, в момент
взлетает на уступ, на старый постамент.
Изгибисто-легка, меняя позы, вьёт
для чуждых глаз показ - эрото-хоровод...

Да, тёпел постамент, надёжен и легко
беспечность жизни длить, взвиваясь высоко.
Она верна? Ничуть! Она добра? Слегка...
Как поцелуйна суть топтанья мотылька!

Я - ОН

Я - вампир!

Я нуждаюсь в касаньях к Твореньям.
Абрис губ твоих всласть очертив языком,
шёлк волос превращу в страстью спутанный ком.
Ввысь, по углям созвездий вдвоём босиком,
пролистав - пореснично - полуночный том -
я врифмован в твои сновиденья!

Ночь - ампир...

Или готика? Суть не в декоре.
Есть холодный диктат, императорский цвет.
Шпили вверх и витражно раскрашенный свет.
Сила вечности. Страх запредельного "Нет!".
В бесконечность фальшиво-белёсый билет.
Aut vinsere aut mori.

Репетир

отбивает одиннадцать. Полночь
через час. Раз за разом сквозь рай нас несёт.
И двойное стаккато штрихует фагот...
Ты склонилась молитвенно. Верю. Зачёт.
Я вампир. И горячей каплей течёт твой восход.
Как ты чувствуешь? - "Полно!"

ТАНГО АПРЕЛЬСКОГО ДОЖДЯ

Он стучится - долгий дождь апреля.
На пороге ночи, под окном -
он стучится. Верю. Входит в двери.
На пороге жизни танго-сон.

Барабанит пальцами по стёклам.
Грань тонка. Там - капли, слёзы - здесь,
отпечатки тайн, мелодий хлопья.
Грань остра: надрез - аккорд - надрез...

Он целует. Влажно, нежно. Властно.
Мы - изгиб. Мы - ветер. Мы - струна.
Он целует каплей. Каплей дразнит,
долгий дождь апреля, сон вина.

Бродит вин весенних половодье
подо льдом, в земле, во мраке туч.
Бродит вин невызревших негодые -
и апрельский дождь горяч, колюч.

Барабанит по закрытым векам,
завивает кудри, мысли, дни.
Я и Он. Танцуем танго века,
завиваем время. Стиль Весны!

ПЯСТЬ СЛОВЕСНОЙ ПЫЛЬЦЫ

Угнездилась желтуха пижмы
на полянке с десертным клевером.
Ароматом бодая пришлых,
длит цветение в осень севера.

Бита утренним льдом предросным,
смята ветра размокшим дребезгом.
- Не пора ли? - Ещё не поздно,
я болтаю с далёким вереском.

Он прислал пясть пыльцы мне с мухой
и строку мадригала страстную:
"Ах, позволь лишь коснуться слуха,
ты - стосолнечно, юность ясная!"

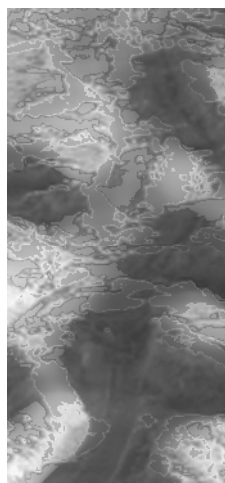
И, кивнув гроздью жёлтых бляшек,
пижма бредит: - Продлим цветение
и сойдёмся, срастёмся, спляшем!
Так ли? Осень - пора старения.

Созревает разлуки горечь.
В пряный вкус добавляю слёзное.
Мой поэт недоступен. Полночь.
Миг без времени, боль несносная.

Вот и я вся в желтухе пижмы,
в липком мареве сласти клевера...
Пясть пыльцы мне словесной выжми
и пришли. Ну, хоть с мухой севера.

Закружится, бела, махрова,
на ладони свернётся жемчугом.
Тают радужные оковы
над горячим сердечком-перчиком.

***"И счастье
просто-
напросто -
жить..."***

Дарья
ПЕРЕВАЙ

*студентка филологического
факультета*

СНАЙПЕР

1.

А когда ты подходишь ближе,
Я глаза по-кошачьи щурю,
Я смотрю на тебя и вижу:
Можно больше не верить в чудо.

Незабвенно, что было с нами,
Непонятно, что будет - кроме...
Я смотрю на тебя, как снайпер,
Я с тобою до первой крови.

Сколько чувств над кипящим жерлом!
Сколько страсти на грани тонкой!
Я смотрю на тебя. Я жертва,
Ангелок с боевой винтовкой.

И опять поднимаю знамя -
Жить без смуты - невыносимо!
Я смотрю на тебя. И знаешь,
Я глаза отвести не в силах.

2.

Спускаю курок, и пуля летит,
И пуля знает свой путь.
Теперь попробуй меня прости,
Попробуй меня забудь.

Теперь попробуй не помнить зла,
С улыбкою боль терпеть...
Спускаю курок, и пуля ушла
С любовью моей - к тебе.

* * *

Мы с тобой не живём, а играем в игру,
Мы забавные куклы, мы злые шуты.
И меня, когда я в третьем акте умру,
Если кто пожалеет, то только не ты.

Мы живём понарошку, не зная потерь,
Виртуозно дерзим и глядим свысока...
И опять возмущается чинный партер,
Указательным пальцем крутя у виска.

Нам легко хохотать, грохотать и язвить
В расписном балагане пустого бытья,
И тебе, когда ты говоришь о любви,
Если кто и поверит, то только не я...

ВРЕМЯ ЛЕЧИТ

Это было лет триста назад:
Белый лёд и метели полёт...
Ты сказал, опуская глаза:
"Всё проходит, и это пройдёт".

Ты был прав. Голос мой не дрожит.
От любви в наше время не мрут.
Воспалённую область души
Ампутирует время - хирург.

Всё проходит. И это пройдёт.
Будет память светла и чиста.
Лишь фантомная боль расцветёт
У стерильной границы бинта...

* * *

Ночь пришла, а я в Панковке,
Я стою на остановке
И смотрю, как в небе тает
Сероглазая звезда.
Зарифмованные строчки,
Разнобойные стишочки
Прилетают - пролетают -
Улетают в никуда.

Ходят сумерки у дома,
Ходят сумерки, как омут,
И серебряною рыбкой
Месяц плавает на дне.
Я стою и, выпив чаю,
Ничего не означаю
И чеширскую улыбку
Намечаю в тишине.

Отрекаюсь, улыбаюсь,
Крышей медленно сдвигаюсь
И без башни, бесшабашно
Отпускаю тормоза.
Знаешь, рано или поздно
Мы поймём, что тоже - звёзды,
И кому-то светят наши
Сумасшедшие глаза...

КРЕСТОНОСЦЫ

1.

Мы Вам верили. Мы пришли
С Вашим знаменем,
С Вашим именем...

Холода на краю земли,
И слова зарастают инеем.
Здесь отчаянье гнёт к земле,
Накрывает волной ударною...
Ни за грош пропадёт в котле
Ваша - Шестая - армия.

Погорит - дочерна, дотла,
Не отмыть уже добела
Белой расы пропащий выводок.
И креста для себя не выгадать,
И не выскользнуть из петли
Крестоносцам с большой земли...

2. Gott mit uns

Мне достались три пули трофейных,
Перехваченных с той стороны.
Грустно курят в штабах и кофейнях
Теоретики быстрой войны.
Видно, впору курить и плевать
И в глаза ободряюще врать...
Мне плевать. Мне немного за двадцать.
Я вчера дезертировал в рай.
Ночью к Волге ушли эшелоны,
Не касаясь замасленных рельс.
Божье войско несло на знамёнах
Черноугольный погнутый крест.
И мерещилось войску, что следом -
Бог, и правда - на пряжке ремня...

Ну какая вам, к чёрту, победа?
Бог-то с вами.
Но нету - меня.

3.

Ходит ночь за стеной - удивительно близко,
От угла до угла - караульный у клетки.
Пьём сегодня за Вас, за эстетику риска,
За трагический выигрыш в русской рулетке.

За эффектные жесты, за громкие речи,
За слепую любовь обезумевших улиц,
За летящий штандарт, за костры и за печи,
За случайную жизнь - и суждённую пулю.

За великий поход, за валькирий и фурий,
За блестящую будущность белой Европы...

Я кручу барабан.
Мы не Ваши, мой фюрер.
Мы клялись Вам до гроба - и только до гроба...

4.

Совершенная красота
В окруженье бесславно сгинула.
Будет каждому два креста -
Крест железный и крест осиновый.

Это, видимо, древний Рок,
Гибнут боги в небесном зареве -
Им прямая дорога в гроб
С Вашим именем,
С Вашим знаменем.

Эта тряпка теперь не в счёт
На обугленном чёрном дереве...
Время-кровь по рукам течёт:
Мы Вам верили...
Мы Вам верили...

**Олег
ЯРОВИКОВ**
*старший преподаватель
кафедры педагогики*

МАЗУРЫ

Месяц с лишним, как кончен сезон,
Но уже потемнели озера.
И спустившийся с неба дракон
Рассудил их прибрежные споры.

Потушил над водою огни
И зарыл лапы в мокрые листья.
Дождь и ветер, что были не с ним,
Тот дракон отпустил очень быстро.

Я надеялся все изменить,
Из долин мрачных выманить солнце,
Но промокла последняя нить -
И не стать чудаку чудотворцем.

Просто нужно вернуться сюда,
Когда будет теплом заколдован
Злой дракон. И живая вода
На озерах появится снова.

"ВСЕ ХОРОШО..."

"Все хорошо..." - за строчками в конверте
Короткие, безрадостные сны.
Не думайте, а попросту поверьте,
Что мы в строю и Родине верны.

"Все хорошо..." - негласное задание
Не говорить плохого о войне.
Как будто осторожное молчание
Нас наградит и выручит вдвойне:

Сначала, когда в пыльном вертолете
Письмо мое уйдет за горизонт,
Ну а потом - узнать, что вы живете
Все также, только сделали ремонт.

"Все хорошо..." - нам лучшего не надо.
Кто знает, чем то "лучшее" грозит?
Одним кровавый ветер из засады,
Другим победы легкие на вид.

"Все здорово..." - не слышен треск проворный,
Когда баек накаливает медь
И грудь не прошибает воздух горный,
И очень мало шансов умереть:

Сначала от ранения на взлете,
Чуть телом оторвавшись от земли.
Ну а потом, узнав, что вы не ждете,
И даже как-то свыкнуться смогли.

МЫ ВЕРНУЛИСЬ НИ С ЧЕМ

(поисковая)

Мы вернулись ни с чем.
Командир, не суди слишком строго.
Может сбились с пути и по лесу шли мирной дорогой.
Ты поверь, что и нам этот путь не по нраву совсем.

Не уменьшили мы
Длинный список потерь безымянных.
Дерн срывая с земли, не смогли воплотить наши планы.
Эта вечная блажь - зарекаться от полной суммы.

Но зато под дождем
Через боль и литую усталость,
Ухватив за перо, мы войны только самую малость
Неумело под старым навесом споем.

Что ни день, то страда -
На упрямство мы ловим удачу.
И пусть сети рвались, пусть сегодня все было иначе.
Видно, хочется ей греться в наших руках не всегда.

Солнце лесом идет,
Задевая высокие кроны.
Расстелила весна из подснежников плед похоронный -
Этих мест красоту и тревогу не каждый поймет.

Мы вернулись ни с чем.
Командир, не суди слишком строго.
Может, сбились с пути и по лесу шли мирной дорогой.
Ты поверь, что и нам этот путь не по нраву совсем.

**Светлана
ПОПОВА**

*выпускница философского
факультета*

* * *

Блаженны те, кто не помнят
Ошибок своих, а прочим
Остается лишь ждать покорно,
Когда время дойдет до точки
Той, где боль становится мягче -
Все нежнее колет и режет.
Где все больше о настоящем,
А о прошлом все реже, реже.
Где находишь анестезию
В новой светлой, большой надежде,
Но надежды на амнезию
Нет - к себе не вернуться прежним.
И сознание уже не станет
Белым ватманом, *tabula rasa*.
Опыт словно тату на память -
Не стереть и не смыть заразу.

То, что не убивает, сильнее
Может сделать, мудрее и строже,
Но способность любить и верить
Беззаветно вернуть не может.

* * *

Дети осени слушают блюз в глубине темных баров,
Дети осени знают, как горек рябиновый сок.
Неприкаянным зверем в пустом лабиринте кварталов
Меланхолия ищет того, кто всегда одинок.

И кто мудр, как и осень, для глупого, легкого флирта,
Мимолетных страстей и интрижек и не может терпеть.
Но умеет, напившись до чертиков жгучего спирта,
Грусть топить в палой рыжей листве, что похожа на смерть.

Так тоскливо и жутко смотреть, как стареет природа -
Неизбежно наступит зима, обратив ее в прах.
В увядании есть красота, но особого рода -
Та, что жить может только в больных декадентских стихах.

Ветер стонет под кожей, дрожь в пальцах,
согреть себя нечем.
Бабье лето забыло взять теплых денечков взаймы.
На промокших, облезлых скамейках, холодных,
как вечность,
Дети осени спят... И им снятся весенние сны.

* * *

Ноябрьский снег неотвратим, как близость
Между землей и небом, потому
Приедет конец бесстыдному стриптизу
И в белую густую пелену
Мир обернется, как новорожденный...
Или покойник в саван, чтоб навек
Уснуть, не веря в то, что воскрешенным
Он будет в день, когда растает снег.
Тот самый снег, что резко, без прелюдий
В осеннюю немую тишину
Войдет, как будто объявляя людям
Досрочную холодную войну.
И все, что с нами было и что будет
Небесный постирает порошок
И мы свои не прочитаем судьбы -

Текст главной книги должен знать лишь Бог.
А нам останется ловить губами
Замерзшее сухое молоко
И все заветное, что не случилось с нами,
По-детски забывать, легко... легко.

* * *

Так просто, так легко и безыскусно
Упала кисть калины наугад
На спящий снег, как ядерный снаряд,
Как лета концентрат, как жизни сгусток.

Упала в ледяную тишину,
Где растворился крик безмолвный.
Но мир, объевшийся таблеток сонных,
Не проявляет жалость ни к чему.

А эти ягоды, тоскуют о тепле,
Покоясь на полях сугробов свежих -
Так хрупкая, озябшая надежда
Июлем дышит в мертвом декабре.

Ну, что с того, что бережно растил
Ты этот сад? Теперь, осиротелый,
Он - пасынок зимы, оледенелый.
Да ты и сам лег на перину и остыл.

Совсем как та калина на снегу.
О, как же эта мысль невыносима,
Что все на свете опадает в зиму.
Вот так и я когда-то упаду...

И как прожить, чтоб не осыпаться напрасно?
И как прожить, чтоб свято прогореть
Душе, в свою не верящую смерть,
Костром калиновым, неугасимым, ясным?

* * *

Отгорел бенгальскими свечками,
Отыграл безудержным джазом,
Отгремел фейерверком ярким
Праздник, что не бывает вечным -
Платья сброшены, сняты маски
И разобраны все подарки.

Миг волшебный - такой недолгий.
Вот уже плетут паутину
Дни до рвоты однообразные.
Лишь обрывками серпантина
Да звездою, упавшей с елки,
Нам остался весь этот праздник.

Дети ждали свершения чуда,
Но на утро нашли лишь похмелье,
Груды мусора и бутылок.
Ты - не маг, да и я - не фея.
В беспросветные, хмурые будни
Мир жестоко нас опрокинул.

* * *

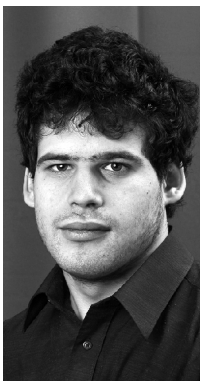
"Счастье плюшевых мишек" -
Вечная распродажа.
Чтобы не стать здесь лишним,
Крепче набей бумажник.

Все, что угодно купишь.
Мир - мегасупермаркет.
Девочки с мозгом от Гуччи,
Мальчики с Че на майках.

Сужен до Cosmo космос,
Лексус - венец блаженства.
Глянец любое уродство
Сделает совершенством.

Вставлен рекламный ролик
В жизнь, как в прайм-тайм эфира.
Истина - жалкий кролик
В ловких руках факира.

Здесь не встают на колени
И не умирают стоя.
Все здесь имеет цену,
Лишь ты ничего не стоишь.

**Григорий
КНЯЗЕВ**

*студент филологического
факультета*

* * *

У дома было два крыла,
Два светлых рукава.
Дом вовсе не умел летать -
Какие тут слова!

В одном углу томила печь,
В другом торчал буфет,
И падал на старинный шкаф
От лампы желтый свет.

Дом знал все наши имена,
Все тайны наших дней,
И потому, быть может, мы
Ему еще родней.

В саду росли одни цветы,
И осенью в окно
Смотрелось небо в сонный час.
Нас нет - и всё темно.

Всё трепетало в наш отъезд -
От пола до стекла...
Дом только не умел летать,
Имея два крыла.

* * *

В июле, как в августе, чудится осень, -
Особенно если дожди за жарой.
В небесную гулкую влажную просинь
Взмывает сомнений и вымыслов рой.

Качаются ветки под тяжестью ветра,
Под тяжестью неба чуть дышит земля.
Не видно пути с расстояния метра
В клубящихся сумерках цвета угля.

Истома во всем: и во взгляде, и в речи.
Бесцельно калитки задвину засов,
Но жду, словно чуда, хоть с кем-нибудь встречи
Развеять усталость тягучих часов.

Такое щемящее вновь настроенье,
Что мы и у этого года в конце...
И только фонарь совершает горенье,
На тесном и мокром мигая крыльце.

* * *

Люблю осенний дождь, когда смолкают птицы,
Когда размыты сна и времени границы,
И падает последний яркий лист.
И робкие часы, смущенные закатом,
Стучат в сыром углу на столике покатом,
А в окна или в уши - ветра свист.

Я чувствую шаги твои, твое дыханье,
Медлительных цветов ловлю благоуханье
И думаю неведомо о чем.
И вот уже просвет в косом и тонком небе,
Мечтают облака о радости и неге,
И меркнет луч, скрываясь за лучом.

Не то чтобы светло, но свет ложится в щели
Веранды нежилой, и очевидной цели
Как будто нет у света и дождя.
Семья в разъездах, дом отчаянно пустует
И против тишины и мрака протестует,
А день в ответ яснее, уходя.

Деревья за окном, холодным и квадратным,
О чем-то говорят, пусть голосом невнятным, -
Понять бы эту пропасть языка!
И записать бы суть на чуткую бумагу,
Впитавшую часы, лучи, тревогу, влагу,
Но, обрываясь, рушится строка...

* * *

Не дом, а сказка. Тихо и светло.
Всё в доме есть: кровать, и стол, и тумба.
В окне еще цветет на склоне клумба,
Прощальное над ней парит тепло.

Струясь, желтеют листья день за днем,
И август по-осеннему тревожен
И вечер - деловито-осторожен -
Играет в тени на стенах, с огнем.

За домом - лес, дорога вдаль бежит,
На повороте озера сиянье.
На берегу бревно как изваянье.
От холода вода слегка дрожит.

За озером еловый мокрый лес,
Высокие деревья молчаливы,
Минуты тяжелы, неторопливы.
Над лесом морось облачных завес.

Смотрю на воду и на облака,
Плывущие, как сон, по водной глади,
Тревогам вопреки, движенья ради,
И утки по привычке у мостка.

Обратный путь длиннее, может быть.
И дом закрыт, и заперта капитка.
Забывшись всё спешит - от чувств избытка,
Но невозможно ничего забыть.

* * *

Пылай, огонь, в печи и грей мою веранду.
Ложится мокрый снег на сонное крыльцо.
Повешу на окно веселую гирлянду,
И осветит она небритое лицо.

Неважно, что еще не зимний день, а осень,
Пушай смеется дым над радостью моей!
Крылатые огни играют в кронах сосен,
И вьется Млечный Путь, как многоглавый змей.

Я радуюсь себе, я радуюсь минуте,
Волшебному теплу, пришедшему в мой дом.
Я радуюсь всему, что вижу, но по сути
И слезы, и восторг сдержать могу с трудом.

Пылай, огонь, в печи. Свет - в комнате, в прихожей.
Мой одинокий дом сияет на холме.
И улыбнется мне какой-нибудь прохожий,
От снега и дождя бегущий в полутьме.

* * *

В желтеющих травах рассеяна влага
Ненастного дня.
Сырая дорога ведет вдоль оврага
До черного пня.

В овраге река расшумелась, как буря, -
Клокочет, кипит,
И ветер, лицо утомленное хмуря,
До ночи не спит.

Спускаюсь к реке, замираю от страха,
Когда надо мной
Срываются тени от птичьего взмаха -
Волна за волной.

Я чувствую эти огромные тени
И этот поток.
Я словно шагнул на ступень со ступени.
Печален восток.

За бурной рекой одинокое поле,
И лес, и дома.
А в зябкую воду глядит поневоле
Осенняя тьма.

Скучающий город вблизи, за холмами,
Зовёт за собой,
И между ночными, слепыми домами
Просвет голубой.

Взгляну на бессонную реку, на звезды,
На каменный мост,
Вдохну ледяной обжигающий воздух,
Летающий со звезд,

Вернусь по морозу в пустую квартиру,
В унылый покой.
Какое там небо? Что грезится миру -
Вдали, за рекой?

* * *

Из созвездья Стрельца - никаких новостей...

По сути ничего не изменилось
За целый год. О том, увы, и речь.
Письмо твоих признаний сохранилось,
А больше словно нечего беречь.

И медленно, и плавно жизнь струится,
Как в августовском небе облака.
Созвездье ос в окне моем роится,
И осень одевается в шелка.

Всё тот же голос в трубке телефонной
И тихие короткие гудки,
И путь к тебе по трассе полусонной,
И шум игры - в слова и городки.

Быть может, всё у нас не так и плохо.
Ты в жестах неуклюжа, как дитя,
Но неумных чувств переполоха
Нам незачем бояться год спустя.

Дарю тебе тепло осенних парков,
И легкое смущение, и дрожь,
И скромный блеск совсем простых подарков,
Как зеркальце, часы, заколка, брошь,

И внешнее твоё преображенье -
Улыбка на лице и нежность рук -
Во мне рождает встречное движенье
И обнажает каждый шаг и звук.

Да, в этом удивительном покое,
Которому твой мягкий смех сродни,
Есть что-то, кроме прочего, такое,
Что делает счастливей наши дни,

И вдохновенней кажутся минуты
Стихийных встреч и утренних звонков.
О, времени неведомые пути!
О, мир объятий и земных оков!

* * *

Памяти Заболоцкого

На чердаке оставленного дома,
Когда душа природы крепко спит,
Грустит рояль, разбуженный мечтой,
И над его крылатой высотой
Не слышно разрушительного грома
Кипучих звезд, сорвавшихся с орбит, -
И только льется свет благословенный
На клавиши немые, в полумрак,
И Бог живой, живой и вдохновенный,
В час утренний спускаясь на чердак,
Играет на рояле благодарном
Искрящуюся музыку тепла,
И сам рояль, раскрывший два крыла,
Зовет Его в молчании янтарном.

А Бог, являясь, каждый раз играет -
И дом живет и век не умирает.

* * *

Я люблю темноту, озаренную блеском свечи
Или маленькой лампы, поставленной возле кровати
На квадратном столе, у окна, за шкафами, и, кстати,
Мне приятно считать эти тени и эти лучи
И на стены смотреть утомленными за день глазами,
Различать, что в ближайшей квартире звонит телефон
И домысливать голос соседа, намеренья, тон,
А потом засыпать от раздумий, почти со слезами, -
И во сне наблюдать за собой, как за кем-то другим,
Караулить себя и менять свое имя и внешность
И в полете минутном испытывать радость и нежность,
Словно быть озадаченным - делом ли, словом благим, -
И к утру просыпаться и чувствовать странный испуг
Оттого, что в лицо ударяет прерывистость света,
И летит в зеркала, и ложится на плитку паркета
И на старый пустой деревянный у двери сундук...

**Анна
КУКУШКИНА**

*студентка психолого-педагогического
факультета*

* * *

Пойдём ночевать на крышу
Под небом и одеялом.
Под пологом майских вишен
И сумеречных хоралов.

Пойдём - смаковать рассветы,
Сирени хмельной туманы.
Тонуть в колыбельных ветра,
Во мгле золотых каштанов.

Пойдем ворожить по звездам
Приливы и гроз раскаты,
В ладонях баюкать воздух
И верить в его баллады.

Не слушай других и разум
Он будет сегодня лишним.
Возьми подушку и лампу -
Пойдём ночевать на крышу.

* * *

Под покровом усталой листвы
Снова в сумерках дремлют аллеи.
Третий день из ведра водолея
Сыплет бисер густой синевы.

Снова осень. В окне тополя
И осины в медово-багряном.
Королева разлук и туманов
Снова царствует без короля.

То вздыхает в безмолвной ночи,
То флиртует с угрюмым норд-вестом
Наряжается снова невестой,
В краски клёнов и солнца лучи.

То трепещет под сизым дождем,
Вальс знакомый выводит по нотам.
И все кажется, ищет кого-то
Или вновь неприкаянно ждет.

Бабым летом отсрочена боль.
Вечер катится вдаль понемногу.
И все мнится - шаги у порога.
Только вот, не вернется король.

Не вернется. Ни ночью, ни днем.
Никогда. Как листва облетает.
И когда она это признает,
Первый снег упадет за окном.

* * *

Летят в огонь обрывки сонат,
Распят очередной поводырь.
И снова - ты один виноват,
И жизнь, как опаленный пустырь.

И каждый раз, стирая черту,
Ты забываешь прежний устав.
А там, в аллеях - липы цветут,
От пыли и прохожих устав.

А за окном акации стан
Склоняется к запястьям раки,
И это все, поверь, неспроста.
Смола стечёт, кора прогорит,

Но будут согревать в декабре
Видения о вишнях в цвету,
Мимозовый туман на заре,
Черёмух лепестки на лету...

...Уходишь, оглянувшись назад:
Всё кончено, и порвана нить.
Но город - это все-таки сад,
И счастье просто-напросто - жить...

* * *

Мы встретимся когда-нибудь
На облаке из сахара,
И ветер переменчивый
Направит время вспять.

Мы встретимся когда-нибудь
Мы будем петь с рассветами
И для любви окажется
Достаточно дышать.

Мы встретимся когда-нибудь
Счастливые и мудрые,
И нам с тобой останется
Планета на двоих.

Мы встретимся когда-нибудь -
Любовь не знает времени.
Однажды станет истиной
Мой мир в глазах твоих.

* * *

В беспечном потоке пустых оваций,
В толпе сумасбродов и подлецов
Друзья - это силы опять подняться,
Опять улыбнуться беде в лицо.

Друзья уезжают и редко пишут,
Отдельной судьбы возводя черту.
Я тоже взрослею и чаще слышу
Вопросы про внуков и про плитку.

Они увлекаются, строят планы
Заводят друзей, иногда врагов.
Мечтают о чем-то, и мне так странно,
Что в этих мечтах я теперь лишь гость.

И всё же мы связаны - тихим светом
Совместных успехов и общих тайн.
Судьбой. Эсэмэсками. Интернетом.
Спасительной фразой "друзья онлайн".

Евгений
ПРЯНИЧНИКОВ

*аспирант филологического
факультета НовГУ*

ОСЕННИЕ СНЫ

Осенние сны меня обнимают,
Не вмещается осень в прицел.
Выстрел - глух, одет цветотканью.
Капли стынут у меня на лице.
Мир останавливается и дышит.
Осень холодом клонит в сон.
В неё стреляют со всех сторон,
А она начинается и не слышит...
И сперва умирает собака -
Без нее я уже как слепой...
Мы все ждем последнего знака,
Чтобы что-то исправить собой.

НА КЛАДБИЩЕ

Кладбище уходит в поле
Ветры пенятся молвой...
Взгляд, оставленный тобою,
Подгибает край земной.

АКРОСТИХ

В сердце закованы бутонами
Стынут предзапахи весны.
Еле встаешь - и не знакомые
Ровные стены тишины...

Двигается комната вокруг оси,
Центром - не смытое пятно.
Ежеминутно мнется рукопись:
Все что намучено в окно

Если вдруг сможешь, просто выпусти.
Стихов накопится сполна
(**Н**о не взамен их у судьбы проси),
А что останется... весна.

ОРИГИНАЛИССИМУС ПРИГОВ

Все всех стран объединяйтесь!

Оригиналиссимус Пригов
Свою империю мигом
Обезбумажил бы в топке,
И горели бы целые стопки.
Разве чтоб
на торчок волос
Он оставил бы
пару фраз-полос.
И ходил бы как Бальмонт Пушкиным
Себя во сне представляющий,
Как Державин одически кружку
До краев стихом наливающий.
И в одном
полушарии - Бог,

А в другом -
электрический ток.
Но, увы, это не в его стиле,
Уходить, когда не обессилен.
И съев Достоевского том
Он связующим стал ходуном,
Меж ларьком и соображением...
Здесь не следует продолжения.

ВETERАНЫ

Их победа обросла давно коростой.
Их позиция - фигуры у доски.
Шрамы от сороковых и девяностых...
Им за это - телевизор и носки.

**Анна
ЛОЖКИНА**
*студентка философского
факультета*

МОЛЧАНИЕ

Пенопластом по стеклу
Скрежет,
Но молчание больней
Режет!
И руками не закрыть
Уши...
Мне б дождём, да с высоты
В лужи!

С каждым часом ты молчишь
Тише.
Сердце рвётся из груди!
Слышишь?
Нет, не думай, не виню.
Знаю!
Только странно мне, что ты
С краю...

Задыхаться от своих
Мыслей
Невозможно! И в висок
Выстрел
Не поможет. Целый мир
Контужен...
Мне безумно голос твой
Нужен!

О БРЕННОМ

Шум дождя замолк
Пролетели дни.

С головой в поток
Ледяной воды...
Ускользает тень
От прохлады дня,
Но увы и в ней
Не найти меня.
Пропаду от глаз,
Провалюсь в сугроб
И в горячий хлад
Окунусь как в лёд.
Я устала жить
В тесноте себя,
Но в своих глазах
Не тушу огня...
С новой силой пусть
Разгорится жизнь.
Ощуаю пульс
И сдуваю пыль....

КАРАКАТИЦЫ

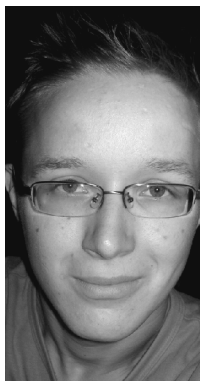
Так язвительно вычурны платица!
Каракатицы краше в шелках.
Буду в ситцевой простыне пятиться,
Лишь бы чувствовать силы в руках.

Искалечит кишечное кружево
Паразитов всевластный народ.
Пусть усталостью сбита, простужена,
Только б душу сберечь и вперёд.

А Вчера пронеслось, не задержится,
Не привяжешь сей день за рукав!
Второпях проживаем, надеемся,
Что отсрочим на йоту свой крах.

Или тянемся сонными мухами
За смертельно больным меньшинством.
Не уснуть бы, не сгинуть за слухами.
Тот сценарий до боли знаком.

Слышишь скрипы зубов от нервозности
И сердечный надорванный ритм?
Продержаться среди этой звёздности,
Не сорваться бы с верных орбит!

**Сергей
АРСЕНТЬЕВ**
*студент филологического
факультета*

РОССИЯ

1. Без вёсел

Шуми у причала, волна,
паромы без вёсел, качайтесь!
Пьянящему без вина
всегда улыбается счастье.
Ты сядешь и вниз уплывёшь.
Страшней не у дел оказаться
в стране, где рассеяна ложь
любых образцов, интонаций...

Плыви! ты спокоен и пьян,
ты занял свободное место.
Куда занесёт ураган -
да к чёрту! - кому интересно?!
Меня терзает одно:
мужик Россию забросил.

Когда тянет на дно,
легче тонуть без вёсел.

2. Пророк

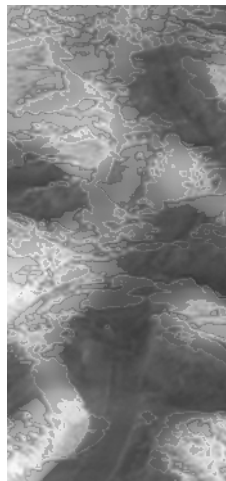
Теперь я тоже буду без упрёка
встречать и день и ночь,
А той стране, где даже нет пророка -
ей некому помочь.
Неужто я - и удостоюсь чести
Кудесника судЕб?
Мне скажут: "Эй, поэт, куда залез ты?
Нам, людям, нужен хлеб!".

Nostalgie

Высоцкого на пластинке,
надколотой по краям,
в дом принесла Зинка
из компании "кто-то там".
Мы ловили радиоволны:
мы радовались до слёз
противозаконным
"Beatles" и "Rolling Stones".
И сквозь магнитные плёнки
"ABBA" и Джо Дассен
вплетали свои строки
в паутину наших вен.
Жили мы без оглядки,
ветренно, невсерьёз,
будто на нашей грядке -
"мИллион алых роз".
И вдруг накануне концерта
с уговором: "Ты завтра отдай!"
сосед одолжил кассету,
подписав "Ласковый май".
Все гражданские - мать их - свободы:
кассетники в пять кило,
нелепые, но модные
тексты "Ногу свело!"
и, среди ситуации аховой,
когда страна на мели, -
песни "Орбит без сахара"
"Крылья" и "Корабли..."

Спицами велосипедными
дни завертелись, и я
спелся с недругами,
отпели своё друзья.
Но при свете далёкого месяца
в центре родного двора
слышится мне, мерещится
песня у костра.

***"А потом вдруг,
ни с того
ни с сего..."***

Светлана ГОРИНА

*выпускница филологического
факультета*

СЮРПРИЗ ПОД РОЖДЕСТВО

Субботнее утро председателя суда города N оказалось не слишком удачным. В бело-голубой кухне собственной дорогой и уютной квартиры его поджидали плохо сваренный кофе, недожаренные оладьи и неумолчная трескотня жены. Решив примириться с неизбежным, судья, хмурясь, сел за стол и спрятался за буквой закона - запутанным толкователем какого-то кодекса. Бесполезно ? звонкий визгливый голос, минуя все юридические хитросплетения, проникал в мозг, эхом разносился в черепной коробке. Жена рано утром ходила на рынок за свежим молоком для судьи и теперь вздохнула пересказывала услышанную от торговки очередную сплетню.

- Ты не поверишь! Вчера вечером Анна гуляла с собакой, подняла голову, чтобы посмотреть на звезды, и схватилась за сердце - по небу летело какое-то существо! Огромные черные крылья хлопали по воздуху, а из-под них свисали две человеческие ноги! ? Жена выдержала торжественную паузу. Судья молча пил кофе. ? И лицо у него было человеческое, только очень бледное, ? таинственно шептала супруга. - Анна с грохотом уронила ведро, а пес испуганно прижался к ее ногам и заскулил.

Юрист перевернул страницу и вздохнул. Его собеседница вымыла посуду и, шаркая шлепанцами в виде вислоухих собачек, поспешила поделиться новостями с соседкой. Оставшись один, блюститель закона отложил книгу и подошел к окну. Хотя была только середина серого холодного ноября, город уже готовился к Рождеству. В витринах улыбались беззубыми ртами ватные

снеговики, в утреннем свете виднелись бледные тени незажженных гирлянд. "Дураки", ? подумал судья про местные власти, тратившие огромные суммы на проведение праздников. Самого юриста на столе в кабинете поджидала груда бумаг, в компьютере - десять неотвеченных писем. Какое уж тут Рождество...

Коллеги говорили, что сердце председателя суда - колония строгого режима, огороженная рядами колючей проволоки, охраняемый свирепыми собаками (яростный лай, мертвая хватка) и беспощадным конвоем (прямое попадание на 20 шагов). Попробуй, сунься!

Судья в раздражении прошелся по кухне, перевесил полотенце, потрогал чашку. Ну почему у него такая глупая жена?! Она ведь может загубить ему всю карьеру. А развод... Да с его статусом - председатель суда все-таки - это немыслимо. Он поморщился, будто попал в новых ботинках в лужу смолы, подхватил подмышку книгу и понуро побрел в свой кабинет. Около полудня он, наконец, выпрямил спину и, решив немного развеяться, позвонил лучшему другу - доктору физико-математических наук. Удивительно, но профессору за завтраком сестра рассказала ту же самую историю. На сей раз крылатое существо испугало соседку, возвращавшуюся вечером из гостей. Профессор этой басне не поверил - но запомнил, чтобы при случае позабавить молоденькую секретаршу декана. Однако уже днем заметил странную вещь - о неведомом летуне болтали студенты, перешептывались преподаватели, кричали на рынках и в магазинах. В общем, гудел весь город. "Мир сошел с ума", ? подумал растерянно председатель суда, слушая рассказ своего друга.

Вскоре народная молва подтвердилась газетными сообщениями. Сначала в таблоидах, а потом и в официальной прессе. Причем образ пришельца становился все конкретнее: синие или черные крылья, как у летучей мыши, на голове - рожки, а сзади - хвост. Поначалу правительство упорно отрицало появление пришельца, но вскоре над городом поднялся вертолет с командой МЧС. Была проведена самая тщательная проверка, результат - абсолютный ноль.

А между тем в город N действительно прилетел гость. Но рассказы о его внешности, как это всегда и бывает, мало соответствовали истине. Никаких крыльев, ни черных, ни синих, у него, конечно, не было, как и рогов и хвоста. Зато был алый плащ, опушенный белым мехом, и алая шапочка с кисточкой.

Ростом он был с трехлетнего ребенка, передвигался, правда, по воздуху, но абсолютно бесшумно. Только когда бежал по сугробам, от его сапогов с тяжелыми пряжками раздавался звонкий морозный хруст. Приехав в город инкогнито, гость оставался для всех загадкой, потому что еще не было случая представиться. Впрочем, его имя, длинное и сложное, как арабский алфавит, никому ничего бы не сказало, а вот должность... Он был младшим помощником Санта-Клауса.

Работал он совсем недавно, и Санта сначала не планировал давать новичку ответственных поручений. Но ведь городов на земле много, и не то что Санта, но и все его помощники еле-еле успевали объехать все до праздников. Вот и пришлось к рождественским хлопотам привлечь и "зеленого" новичка. Сначала все шло хорошо, но по неопытности ассистент обнаружил себя слишком рано, и пошло-поехало... Дети закидывали его снежками, взрослые давали немыслимые прозвища. В довершение всего появился этот несчастный вертолет, и началась настоящая охота. Бедняга несколько дней отсиживался в водосточной трубе, трясаясь от страха. Зато газеты ликовали - можно спокойно жить дальше, никакого пришельца нет.

Бедный ассистент поплелся за город, в лес, и закопал там пузатый мешок с подарками. От обиды в горле у него стоял комок, мешая дышать, и тряслись руки. "Вот вы, значит, как... Ну, ладно", ? думал он, блуждая по темным безлюдным улицам. - "Ну, ладно...". Чтобы отомстить жителям за "теплое" гостеприимство, озорник решил сыграть с ними злую шутку. Случайно его взгляд упал на торговый центр, на крыше которого светился желтый электронный циферблат, чередующийся с показателями температуры. 23.00. "Ну, ладно", ? ухмыльнулся гость, тряхнув кисточкой колпачка.

Ночью в городе начались такие чудеса: ровно в полночь температура с минус 15 градусов взлетела до нуля. В час же ночи поднялась на один градус, затем еще на один... Когда председатель суда вышел на обед, на улице ярко светило солнце, звенела весенняя капель, щебетали птицы. Вечером начали набухать почки на деревьях, а изумленные прохожие снимали зимние куртки и даже свитера. Ведь в 18.00 на улице было 18 градусов! И это в конце ноября! Стоит ли говорить, что после полуночи температура упала до нуля. Но жители недолго радовались преждевременной весне. На такие выкрутасы природа не замедлила дать свой ответ. Задули сильные ветры, предвестники урагана, пригибающие деревья почти до земли.

Над городом клубились мрачные тучи, в недрах которых рокотал гром, словно рычание неведомого зверя в лесном мраке. Шаровые молнии металась по небу, как мячики в пинг-понге. "Тип погоды четвертый, особо неблагоприятный", ? обеспокоенно объявляли синоптики.

В воздухе висело особое напряжение, которое обычно бывает перед грозой, но на этот раз она не приносила желанного облегчения. Люди чувствовали себя усталыми и разбитыми, в аптеках не хватало таблеток от головной боли и бессонницы. И всюду, в автобусах, на улице, только и говорили о странной связи температуры со временем.

В такой разгул стихии бедному судье тоже нездоровилось. А тут еще у жены началась сильная мигрень, и она - впервые за время их брака! - уехала в соседний город к родственникам, где стояла снежная морозная зима. Тут уж судья совсем загрустил. Он упрямо продолжал ходить на работу, хотя многие его коллеги ушли на больничный. Вечера же коротал за очередным кодексом в пустой, холодной квартире. Впрочем, как-то в сумерках все же решил прогуляться по городу. Свет только что зажегшихся фонарей блестел в чернильных лужах. На улицах было пустынно - все, кто мог, прятались по домам. Судья, уткнувшись носом в вязаный шарф, брел по городу и случайно оказался рядом с огромным торговым центром, на крыше которого светились злосчастные часы. "А и не скажешь, что 19 градусов", ? подумал судья и... задрожал. Рядом с электронными цифрами сидела какая-то фигура в шапочке и сапогах. Судья зажмурился, затем открыл глаза - существо не только не исчезло, но стало как будто еще ближе, еще конкретнее. Вот шевельнулось, спикировало вниз... Прямо перед судьей появились два сверкающих глаза, красный нос картошкой и хитрющая усмешка. Юрист в страхе отпрянул, замахал руками: "Брысь!". Проказник усмехнулся еще больше. "Все равно не верю! ? кричал судья. ? Не верю! Противоречит всем законам природы, а значит, тебя не должно здесь быть! Тебя не существует!". Ассистент удивленно поднял брови: вот же я. Но юрист нервно дергал себя за палец и все не унимался. И тут шутник сделал то, что никто никогда не осмеливался сделать судье уже много лет, ? показал ему длинный, красный, дразнящийся язык! Затем нацепил неверующему Фоме на ухо елочную игрушку и растворился в темноте. А судья долго стоял посреди улицы с потерянным видом и шариком на ухе, и встречавшие его редкие прохожие качали головами: "совсем пьяный".

На следующий день судья позвонил жене. В последнее время звонил он ей часто, но почему-то не знал, о чем говорить. Молчал и сейчас, только спросил раза два, когда она приезжает. А потом вдруг, ни с того ни с сего, послал ей рождественскую открытку. Тоже впервые. И жена вернулась домой, несмотря на непогоду и мигрень. Говорят, в тот день многие осужденные получили амнистию.

Тем временем город N прославился на всю страну: новости о местной погоде транслировались по центральным телеканалам и заполнили Интернет. Над загадкой ломали светлые головы ведущих ученых мира. И уж, конечно, слухи о заколдованном городе дошли до Санта-Клауса, который был очень занят на другом конце страны. Но стоило ему только включить телевизор, как тут же все стало ясно. Быстрее ветра полетел добрый волшебник в санях, запряженных скоростными оленями, к эпицентру природного буйства, где задал хорошую трепку помощнику. Стоит ли говорить, что температурно-временное сумасшествие сразу прекратилось. Ударили трескучие морозы, деревья покрылись инеем, выглянуло низкое зимнее солнце. Но даже холода и гололед не могли омрачить радость жителей города N.

Евгений ЖУКОВ

*выпускник филологического
факультета НГПИ*

ТОМА

Жаркий полдень. Мы с отцом сидим на берегу реки: удим рыбу. У обоих не клюёт. А ведь когда-то здесь ловилась рыба, но местное население всё пересетило, переглушило, и даже какая-то рыболовецкая бригада прошла по реке и близким озерам электрическим тралом, погубив последнюю молодь. Но, даже несмотря на отсутствие клева, у реки хорошо. Здесь не так жарко: от воды исходит волнами лёгкая прохлада. Мы ведем неспешный разговор о местной природе, о людях, нам знакомых.

- Здешний народ скуп почти до безумия, - говорит отец, - и объяснить это одной бедностью нельзя. Просто такие уж люди от природы. Кто позажиточнее, скуп уже в силу общей черты, часто встречающейся в деревнях. Исключение составляют лишь Пискарёвы, люди не в пример всем местным открытые, хлебосольные, широкие.

Слушая отца, я сразу вспомнил эту семью. Действительно, семья эта представляла собой разительный контраст на фоне не в меру скупых односельчан. Вспомнил я и лицо самой хозяйки Василисы Егоровны - открытое, доброжелательное, всегда улыбающееся. Мужа Василисы Егоровны Александра Яковлевича, очень доброго и отзывчивого человека. Их единственную дочь Тamarу. Я любил ходить к Пискарёвым, зная о том, что там меня всегда ждёт радушный приём.

То лето, когда я познакомился с Tamarой, было жарким. Как сейчас помню летний полдень, в природе, как и в настроении людей, преобладала ленивая, не располагающая ни к какой работе скука. Даже докучливые деревенские кошки и собаки

куда-то попрятались. Всё было тихо, приторно, спокойно и вяло. Редко-редко проедет телега, гремя колёсами, или протарахтит трактор, - и снова тишина и полное оцепенение.

Сидя на лавочке в тени дома, я задремал под надоедливое жужжание мух. Перед глазами, одна сменяя другую, побежали картины, не связанные между собою ничем. Сначала мне привиделось, что иду я по лесу, нагретому солнцем, и прямо перед собой на высокой сосне вижу пёстрого дятла, причем вижу до самой последней крапинки на рулевых перьях. Потом тёмный наплыв, как в кинофильме, когда одна сцена сменяет другую, и вот я уже у реки, прибрежная осока зелена до ярких вспышек в зрачках глаз, а вода поражает родниковой чистотой. Плавно извиваясь, речку переплывает уж, блестя на солнце атласом кожи и оранжевыми пятнами по обеим сторонам тонкой, изящной головы. Опять разноцветная пелена, и вдруг огромное поле пшеницы, огромное настолько, что его невозможно охватить взором.

Не знаю, как долго я был во власти этих полусонных видений, но лёгкий толчок, почти касание вывело меня из этого состояния, и я проснулся. Передо мной стояла молодая женщина, довольно миловидная и насмешливая.

- Что? Разморило на солнце? - кокетливо спросила она.

- Да, разморило. А вы собственно кто? - в свою очередь спросил я, несколько недовольный тем, что меня разбудили.

- Тамара, - представилась она и подала узкую, лодочкой руку. Я назвал себя.

- Вот и познакомились, наверняка еще увидимся. Ну, пока, - сказала она, растянув последний гласный.

- Пока, пока, - выдавил я из себя с зевотой.

Женщина постояла еще мгновение, потом развернулась, как на шарнире, и исчезла так же внезапно, как и появилась. "Что за вертушка? - подумал я. Что-то не похожа на местных девиц и молодок, которым скорее свойственна скромность и зажатость в общении". Несмотря на приятную внешность, эта женщина не понравилась мне. Не понравились её глаза, бегающие и чрезмерно любопытные, ее гуттаперчевая вертлявость и манера разговаривать с совершенно незнакомым человеком необоснованно фамильярно. Но вместе с тем это мимолётное знакомство освежило меня и спать уже не хотелось. Через несколько минут я уже забыл о нашем кратком разговоре и о Тамаре.

Позднее я несколько раз видел её, и всегда она мне кивала,

как старому знакомому, своей аккуратной гладко причёсанной головкой.

Вскоре я познакомился с Александром Яковлевичем Пискарёвым - заядлым, как и я, рыболовом. Тогда я, конечно, не знал, что он отец той самой Тамары. Часто сходились мы с ним у реки и, закинув нехитрые наши снасти, приятно нервничали в ожидании клёва. Однажды он пригласил меня к себе. Придя к нему домой, я увидел там Тамару.

- Тамара, моя дочь, - сказал Александр Яковлевич, представив меня.

- А мы знакомы, - несколько удивлённо сказала Тамара. Василиса Егоровна, хозяйка дома, вынесла в сад тарелки, закуски и как-то торжественно выставила на стол бутылку водки. За разговором время летело незаметно. День плавно перешёл в вечер. По улице, пыля дорогу, возвращалось с пастбища стадо коров. Здесь были и пёстрые холмогорки, и шоколадные с жёлтыми подпалами голландки, и молочно-белые в коричневых пятнах костромичи. Сбочь дороги, где-то в середине стада, шёл местный пастух Карп Андреевич Стрельцов. Одет он был в брезентовый с капюшоном плащ, который был распахнут, в пестрядинную рубашу, подпоясанную верёвкой, и заправленные в сапоги брезентовые штаны. Поравнявшись с нами, он приподнял кепку и широко улыбнулся.

В тот вечер Тамара была грустна и вовсе не напоминала ту весёлую, разбитную молодую женщину, которую я увидел в первый день нашего знакомства. Она почти не принимала участия в общем разговоре, а сидела, печально опустив глаза, лишь изредка задумчиво поглядывая то на мать, то на отца, то на меня. Мне даже казалось, что её несколько тяготит наш разговор и веселье.

- Что ты, Тома, квёлая какая-то сегодня. На себя не похожа, - сказала Василиса Егоровна, взглянув на Тамару с укоризной.

- Не знаю, мама, что-то голова болит. Пойду прилягу, - тихо сказала Тамара и встала из-за стола. Когда Тамара скрылась в доме, Александр Яковлевич произнес: - Наверняка или Тамарка письмо худое получила от мужа, или у неё новое увлечение.

- И верно, - подтвердила Василиса Егоровна, - у Томки как новый кавалер, она первое время всегда как в воду опущенная.

Мы еще немного посидели, и я откланялся. Возвращаясь домой, я думал о той разительной перемене, которая произошла с Тамарой. Действительно, уж не влюбилась ли она в какого-нибудь молодого парня. И ещё этот муж. Разумеется, что я и понятия не имел о том, что она замужем.

Уже позже, от охочих до сплетен односельчан я узнал кое-что и о муже Тамары. О том, что он бывший военный моряк-подводник, о том, что живут они с Тамарой странно и сложно: вроде бы женатые люди, а живут большей частью порознь. Узнал я и о том, что есть у них сын Эдик семи лет. Всё знающие бабы добавляли: "Произвела Тамарка фурор. В школе ходила в худых середняках, еле на тройках держалась, а замуж вышла за офицера-моряка. После свадьбы приехала в село вся в золоте. А Любку Островнову, круглую отличницу, до сих пор никто замуж не берёт". Многие ещё я узнал от местных "доброхотов" о Тамаре - мол, и распутница она, и злая, и вообще чего только не говорили о ней злые языки. Надо сказать, что Пискарёвых в селе недолюбливали: больно уж они отличались от всех прочих своей щедростью, радушием и гостеприимством, которые местными расценивались как отрицательные качества. После нашей последней встречи я думал о Тамаре совсем иное. Она мне показалась женщиной доброй, достаточно искренней, неглупой и вовсе не такой легкомысленной, как показалась вначале.

Как-то раз мы встретились с ней в сельском магазине.

- А ко мне муж приехал. Хотите с ним познакомиться? Приходите сегодня вечером.

- Удобно ли будет? Что он подумает? - спросил я.

- А вы приходите. Без церемоний.

В тот вечер я не пошел к Пискарёвым. Мне было неудобно. В каком качестве я представлюсь мужу Тамары - пресловутым другом семьи? Через несколько дней мне нужно было уезжать: пора было выходить на работу. После некоторых колебаний я решился все-таки пойти к Пискарёвым накануне отъезда попрощаться. Тот августовский день был не по-летнему прохладным, да вдобавок еще зарядил мелкий, как из сита, дождь. Небо было пасмурным и хмурым, как лицо недовольного человека, которого подняли с постели и не дали выспаться. Медленно шёл я к знакомому гостеприимному дому. В природе были видны уже меты осени: деревья кое-где отсвечивали осенней желтизной, вода в реке помутнела и замедлила свой ход. "Вот и лето прошло, - с грустью подумал я. - Когда теперь вернусь сюда?" Недалеко от дома Пискарёвых рос клён. Я любил останавливаться около него, смотреть на его зелёные в оранжевых прожилках листья. Клён был большой, развесистый. "Скоро и ты опадёшь, приятель", - мелькнула невесёлая мысль.

У Пискарёвых я познакомился с Александром - мужем Тамары. Это был еще молодой, но начинающий уже заметно

стареть человек, почти лысый, с глубокими, поселившимися в углах глаз морщинами. У него было довольно странное выражение лица. Такие лица бывают у людей, которые мучительно хотят вспомнить что-то очень важное, но никак не могут вспомнить. Сначала он несколько подозрительно поглядывал на меня, но удовлетворившись в том, что я только знакомый Тамары, успокоился. В присутствии меня Тамара была весела, даже игрива, что не нравилось её мужу. За время нашего знакомства с Тамарой я уже привык к резким переменам её настроения от безудержного веселия до глубокой печали.

- Вы приедете на следующее лето? - спросила она меня.

- Не знаю, Тамара. Как получится, - ответил я. А приехать хотелось. Признаться, уже тогда я чувствовал к ней глубокую симпатию, которая могла перерасти в нечто большее. Всё чаще и чаще я думал об этой женщине. Помимо привлекательной внешности в ней была та естественная женственность, которая столь располагает к себе мужские сердца. И ещё у неё были удивительные глаза, меняющиеся в зависимости от настроения. Когда она была весела, глаза эти искрились каким-то голубовато-зелёным цветом, и наоборот, в минуты неприкрытой злобы были холодно-серы. Меня стесняло присутствие Александра: хотелось говорить с Тамарой не об обыденном, набившем оскомину, а о вещах более глубоких, даже интимных. Тогда на прощание она крепко, чисто по-дружески пожала мне руку и к большому неудовольствию Александра поцеловала меня в щеку.

Прошел почти год. За это время ничего нового не произошло в моей жизни: я был по-прежнему холост и женщины на работе несколько подтрунивали надо мной. "Когда же мы вас, Андрей Андреевич, наконец поженим?" Я отшучивался расхожими фразами, а сам с нетерпением ждал лета. Разумеется, что я не мог предполагать тогда, что это лето станет самым счастливым, самым наполненным в моей жизни...

В середине июля я приехал в знакомые, полюбившиеся мне места. Мне так хотелось поскорее увидеть Тамару, что я даже не стал распаковывать вещи, а сразу отправился к Пискарёвым. В саду, в тени дома сидела на маленьком складном стульчике Тамара и читала книгу. На скрип калитки она подняла глаза, и добрая, открытая улыбка осветила её лицо.

- Андрей Андреевич, Андрюша! - воскликнула она и крепко, как-то по-родственному обняла и расцеловала меня.

- Когда вы приехали?

- Да вот только что.

- Какой же вы молодец, что зашли к нам.

- А где Василиса Егоровна и Александр Яковлевич? - спросил я.

- Уехали в город, вечером будут.

Глядя на Тамару, я не мог скрыть своего восхищения ею. И еще я со всей очевидностью понял тогда, как я по ней соскучился.

- Как вы, Тамара, похорошели за этот год. Вы всегда были очень симпатичной женщиной, а сейчас вы просто красивы, - произнёс я.

- Спасибо, конечно, но местные, кажется, этого не замечают, - несколько смутившись, сказала Тамара.

- Они просто привыкли к вам. Или ничего не понимают в женской красоте.

- А как вы, Андрей? Женились, семья?

- Нет, по-прежнему холостякую.

- А что так?

- Да вот не нашел такую женщину, как вы.

- А ведь я развелась с мужем, но Эдик остался с ним, там в Оренбурге. О муже я почти не вспоминаю, а вот по сыну соскучилась очень. В этом году во второй класс пойдет мальчишечка. Не знаю почему, но он, как подросток, всегда тянулся к отцу больше, чем ко мне.

- Извините меня, Тамара, но у меня сложилось такое впечатление, что вы никогда не любили своего мужа.

- Нет, сначала очень любила. Вы, конечно, не представляете жизнь гарнизонной жены, когда с нетерпением ждешь возвращения мужа из похода. Однообразные дни ожидания тянутся бесконечно, похожие друг на друга настолько, что они стираются в памяти. Многие жены офицеров недолго хранили верность своим суженым, пока те, как пишут в газетах, "бороздили просторы морей и океанов". А мне грязь в интимных отношениях всегда была противна, даже мерзка. И была я среди офицерских жен как белая ворона. А потом года через два, уже когда родился Эдик, образовалась какая-то трещина в наших с мужем отношениях, и я поняла, что разлюбила Сашу и что уже ничто не поможет вернуть прежнюю любовь. Он по-прежнему относился ко мне очень хорошо, но, как говорят, сердцу не прикажешь. Потом мужа списали на берег по состоянию здоровья, и мы уехали в Оренбург к родителям Александра. Первое время я всё еще хотела сохранить семью хотя бы ради ребёнка, но жить с нелюбимым человеком - это так тяжело, да

еще постоянные придирки свекрови. Я не выдержала, бросила всё и уехала сюда к своим родителям. Саша приезжал ко мне, просил вернуться, упрекал меня в том, что я плохая жена и мать. Но как ему было объяснить, что прежнего уже не вернуть. А сына я люблю, люблю больше жизни. Вот так мы и жили, я здесь, а Саша с Эдиком в Оренбурге. Саша тянул с разводом, но, наконец, полгода назад нас развели уже официально. Вот вкратце и вся история моего замужества, - сказала Тамара с грустной улыбкой. Я смотрел на эту молодую, красивую женщину и с горечью думал: "Неужели она так и останется одинокой в этой забытой богом деревне". И еще я думал о том, что уже люблю ее, люблю горячо, искренно, настоящим зрелым, взрослым чувством. В тот же день я впервые поцеловал Тамару, но уже отнюдь не по-товарищески, а в губы и почувствовал, как ее губы ответно раскрылись и затрепетали длинные, с порыжевшими от солнца кончиками ресницы.

А на следующий день, уже не таясь, я признался Тамаре в своем чувстве. Она выслушала меня внимательно и сказала: "И я люблю вас, Андрей. Уже с прошлого лета люблю. Сначала вы только нравились мне. А потом я поняла, что пропала и влюбилась как сумасшедшая".

И закружила наши головы буйным, пьяным хмелем любовь. И всё было в это лето. И совместные походы в лес за грибами и ягодами, и купание в местной студеной речке Рущере, и долгие разговоры, и поцелуи жаркие и откровенные. Помню луну, заглядывающую в узкое банное оконце, треск сверчка и тихое, сказанное почти шепотом: "Поцелуй меня, Андрей".

Как одно мгновение пролетел наполненный любовью июль. Наступил август, и мне снова нужно было уезжать. При расставании я горячо говорил Тамаре о том, что нам нужно соединить наши судьбы, что я заберу ее с собой и мы поженимся. Она тихо кивала головой и говорила соглашаясь: "Да, конечно, Андрей. Приезжай как можно скорее".

В середине октября я выхлопотал недельный отпуск и приехал в деревню. Не без волнения я подходил к знакомому дому. Во дворе на лавочке сидела Василиса Егоровна, но сначала я даже не узнал её. Всегда улыбчивая, весёлая, она была непривычно грустна, даже печальна. И ещё я заметил, как она постарела за это короткое время. Острая догадка, как кончиком отточенного ножа, кольнула меня: "Что-то случилось!" Я вошёл во двор и поздоровался с хозяйкой. В первое мгновение она как-то отрешённо, потусторонне посмотрела на меня. Потом

узнала: "А, Андрюша, здравствуй, касатик. Горе у нас, Андрюша. Большое горе. Не стало нашей Тamarочки". И скупые, давно выплаканные слезы выступили у нее на глазах. У меня захолонуло сердце. Еле выдавливая из себя слова, я спросил: "Когда это случилось?"

- А вот завтра месяц как будет.

Из дома вышел Александр Яковлевич. Он заметно осунулся за последнее время, но поздоровался приветливо. Потом посмотрел на заплаканную жену и спросил у меня: "Знаешь уже?"

- Да, знаю. Как всё это произошло?

- Десятого сентября ехала Тамара в город на работу. В автобусе народу набилось до чёрта. Стояла она спиной прижатая людьми к передней дверце. За два километра до города на выбоине автобус так тряхануло, что дверь открылась, и Тамара выпала из автобуса и угодила под заднее колесо. Свидетели говорили: всё произошло так внезапно, что она даже не успела вскрикнуть. Вот так, Андрей, бывает в жизни. А она о тебе часто вспоминала, Тамара-то.

- Я пойду, Александр Яковлевич, туда, к ней.

- Может, вместе пойдем? Найдёшь ли?

- Найду.

- Могила Тамары в самой середине.

На кладбище я долго сидел у могилы. С маленького, как дорожный столбик, коричневого памятника смотрело с овальной, почти круглой, фотографии улыбающееся милое лицо. И ниже надпись: "Москвина Тамара Александровна" и даты короткой, так нелепо оборвавшейся жизни.

Юлия СТУПИНА

*студентка факультета лингвистики
и межкультурной коммуникации*

ВСТРЕЧА

Старость - это не страшно. Это очередной жизненный этап, наполненный воспоминаниями, светлой грустью и богатым опытом. Но иногда старость - это и неожиданная встреча. Встреча, о которой мечтал всю свою долгую жизнь, на которую уже и не надеялся...

Седовласый мужчина медленно поднимался по парадной лестнице лингвистического университета, ведущей на четвертый этаж. Его черная шапка блестела от снега, а лицо покраснело от холода. В данный момент он был похож на Деда Мороза, очень доброго, но старающегося это тщательно скрыть. Ведь восьмидесятилетний профессор и доктор филологических наук не имеет права распускать своих студентов и опускаться до уровня молодых и еще глупых преподавательниц, ломая границы между устоявшимися как мир понятиями "учитель" и "ученик". Он старше, мудрее и опытнее. В конце концов, он пережил страшную Великую Отечественную войну, провел два года в блокадном Ленинграде и потерял на фронте отца и двух старших братьев. Что эти молодые могут знать о жизни? Ничего... Их всему нужно учить.

Идущие навстречу мужчине студенты улыбались и здоровались: "Добрый день, Виктор Михайлович!" В ответ он только кивал головой. Его мысли занимал первый курс, у которого с сегодняшнего дня он по решению деканата обязан вести практическую грамматику английского языка. Виктор Михайлович этого решения не одобрял, но принял скрепя сердце. Он наперед

знал, что эти "детишки" будут ныть после каждой его лекции в коридоре, жалуясь друг другу на объем информации, не будут учить правила и погрязнут в тройках. Обычные современные дети современных родителей. И как обычно, из этой современности никакого толку...

Профессор подошел к своему кабинету, у двери которого уже стояла кучка его новых подопечных. Студенты разом замолчали при его появлении и осипшими от волнения голосами поздоровались. Виктор Михайлович усмехнулся и пригласил их в аудиторию. Его всегда веселила реакция новичков. Статный вид пожилого преподавателя вселял в молодые души страх и даже ужас. Студенты боялись отвечать и показывать знания или полное незнание материала. Все, как один, изнывали от волнения. Преподаватель понимал, что их талант и неординарность губит стадное чувство быть как все, не лучше. И так из года в год...

Сев за стол, мужчина разложил книги и украдкой смотрел на учеников. Кто-то вполголоса разговаривал, кто-то листал учебник. Светловолосая девушка с беспечным видом болтала по телефону. Она одна не боялась вести себя раскованно.

- Ну, хоть кто-то не робеет, - подумал Виктор Михайлович.

Постепенно аудитория наполнялась. Юноши и девушки, такие юные, внимательно смотрели на преподавателя, гадая по выражению его лица, какой у него характер. Профессор в свою очередь внимательно изучал лицо каждого. В основном, это были лица добрых, веселых и общительных детей. Но ни одного лица, которое хоть бы отдаленно напоминало ТО самое...

- Извините. Уже 11 часов. Одна девушка опаздывает на урок и просила передать, что она задержится, - произнес смуглый паренек, сидящий на первой парте.

Виктор Михайлович поднялся со своего места:

- Ну, пусть задерживается. Уверен, она потом расскажет нам, что ее отвлекло от занятий и заставило опоздать. Итак...Здравствуйте, первокурсники. Меня зовут Романов Виктор Михайлович. Эти полгода я буду вести у вас курс практической грамматики. Прошу, с уважением относитесь ко мне и к моему предмету. Я требую от вас качественного выполнения домашнего задания, внимания на лекциях и отличных ответов на моих вопросах. Также прошу не опаздывать и не пользоваться телефоном во время моих занятий. Это все. Сейчас мы с вами познакомимся и выясним, кто отсутствует. Кто, вы сказали, опоздает?

- К... - начал было тот же паренек, но осекся, потому что в дверь постучали.

- Войдите, - профессор строго нахмурился.

Дверь с легким скрипом открылась и в аудиторию вошла румяная от февральского мороза девушка. Она была довольно высокая, очень стройная, с идеальной осанкой. Казалось, что у нее королевская выправка. Ее большие зеленые глаза сверкали как два изумруда в обрамлении пушистых черных ресниц. Соболиные идеальные брови-дуги придавали ее белокожему лицу загадочное и горделивое выражение. Длинные темные волосы приятного орехового оттенка были заплетены в две косы. Ее лицо легко можно было назвать прекрасным и необычным не только из-за очевидной красоты и плавности черт, но и из-за проникновенного взгляда этих изумрудных глаз.

Виктор Михайлович почувствовал, как в груди кольнуло сердце, а перед глазами стало темно. Он видел только лицо девушки, которая молча смотрела на него и не знала как себя вести из-за затянувшегося молчания учителя.

- Здравствуйте! Извините за опоздание. Из-за мороза автобус сломался, и мне пришлось идти пешком, - сказала она, и все пространство наполнилось ее высоким грудным голосом.

- Здравствуйте! - профессор едва нашел в себе силы говорить. Он не мог отвести взгляда от этой девчонки, у которой губы посинели от холода. Ее лицо было настолько знакомым и родным... - Представьтесь!

- Говердовская Кира, - с непонятной улыбкой ответила девушка. - Да, фамилия не из легких, я знаю.

- Говердовская? - Виктор Михайлович почувствовал, как у него предательски затряслись руки и сорвался голос.

- Да... Фамилия редкая. - Кира внимательно смотрела на преподавателя.

- А... А Анну Говердовскую, деточка, ты случайно не знаешь? - профессор слышал лишь учащенное биение своего сердца.

- Анну Дмитриевну? - изумрудные глаза выражали удивление.

- Да, - выдохнул профессор.

- Знаю. Это моя бабушка.

- Анютка... - и на глазах у изумленных студентов старенький преподаватель заплакал, подойдя к Кире и обняв ее. - Жива моя Анютка... Жива...

Морозной зимой 1942 года по тихим и пустынным улицам Ленинграда шли за руку четырнадцатилетний мальчишка и шестнадцатилетняя девушка. Они не боялись осуждающих

взглядов и сплетен. Война и блокада держали жителей города в стенах своих домов.

- Ты верь мне, Анюта, война закончится, мы выучимся и я на тебе женюсь! - Витя внимательно смотрел на свою спутницу.
- Ты только верь.

- Я верю тебе, Витюш, верю, - грустно произнесла зеленоглазая девчонка. - Я знаю, что нас не разлучит ничто. Я знаю, что мы будем вместе вопреки всему. И горе нас не сломит.

- Я тебя так люблю, Анька, - выдохнул паренек. - Ты главное будь сильной, не болей и держись! Пусть все мы голодно живем, но нужно выживать. Куда я без тебя?

- Я тебя тоже, Вить, люблю... - девушка остановилась и обняла юношу. - Пусть я тебя старше на 2 года, но это ерунда.

- Конечно, ерунда... - Витя улыбнулся. - Зато я смелый! Сейчас как тебя поцелую...

Вдруг над их головой раздался свист и противный звук рассекающей воздух бомбы.

- Аня, бежим! - заорал Витя, срываясь с места и хватая за руку девушку.

- Витя, там же мама и маленькие! - в голосе Ани слышались слезы. - Бомба упала где-то рядом, там же мой дом...

- Аня, бежим! Нас убьют! - по щекам у Виктора текли ручьи его боли и горя. - Бежим!

Снова раздался свист падающей бомбы. Девушка, стряхнув себя оцепенение, сдвинулась с места. Бежать ее заставляла лишь мысль о счастливом будущем, где не будет войны и потеря. Но неожиданно прямо за ее спиной что-то оглушительно взорвалось. Где-то вдалеке истошно закричал убежавший вперед Витька. Аня почувствовала жгучую боль в спине. Последнее, что она помнила, каким колючим был январский снег и как громко рыдал над ней Витька. Больше ничего пустота.

- Снег и Ваш плач - это было последнее, что запомнила бабуля, - дрожащим голосом рассказывала Кира. - Когда в район бомбежки пришли русские солдаты, они обнаружили Вас и Аню, то есть бабушку. Она была вся в крови, но еще жива. Вы же в беспомощности что-то твердили рядом с ней.

- Я говорил, что она должна жить, - Виктор Михайлович не отрываясь смотрел в глаза этой девочки. Я не хотел ее терять.

- Но потеряли, - Кира вздохнула... - Бабушку смогли вывезти из Ленинграда в Москву, в больницу. Какой-то солдат был очарован ее красотой и решил ее спасти. Вам же сказали,

что она мертва. Солдаты понимали, что Вы не оставите бабулю...Они поступили жестоко... В Москве бабушке спасли жизнь. Однако она не помнила ничего, кроме последних минут на снегу и своего имени. Ее родные погибли в ту же атаку. Никто не искал Аню Говердовскую. Поэтому она осталась в Москве, а спустя три года вышла замуж за того самого солдата, что спас ей жизнь. Правда свою фамилию она так и не сменила. Спустя долгое время у них появилась моя мама. В тот же год в Ленинграде были обнаружены бабулины документы и фотографии. Тем не менее, память к ней не вернулась. Она вернулась только после моего рождения. Мама, кстати, тоже оставила девичью фамилию. Поэтому я Говердовская, как и они... Бабушка, увидев меня. произнесла: "Витька был бы рад такой внучке, точная моя копия, и глаза - изумруды". Мама тогда еще спросила, кто такой Витька. А бабушка... Она расплакалась...Она все вспомнила...Она думала, вы мертвы...

- А я тем временем тоже жил в Москве, - Виктор Михайлович не мог поверить, что его девочка, его любимая Аня жива. Пусть ей сейчас 82 года, но для него она навеки будет девчонкой... - Кира, как же я тебя встретил? Это судьба?

- Я не знаю... - Кира улыбнулась, и у нее на щеках проступили такие же ямочки, что и у Анны Дмитриевны. - Наверное, судьба.

- Кира, я могу увидеть твою бабушку? - профессора не волновали другие студенты, которые, затаив дыхание, наблюдали за разыгравшейся драмой.

- Я... - Кира сглотнула... - Я не сказала Вам главного.

- Что? - Виктор Михайлович похолодел и, увидев глаза Кире, побелел. - Только не говори мне, что...

- Да... - и Кира заплакала. - Бабуля умерла 2 года назад. Перед этим она сказала, что я навсегда останусь для нее шестнадцатилетней Кирой, такой же, какой и была она. Бабушка очень вас любила...Простите. Она не раз говорила, что лучше было умереть тогда в бомбежку, чем прожить столько лет без вас...

- Извините, - и Виктор Михайлович быстро, насколько позволял возраст, покинул аудиторию. Он больше не мог стоять с живым напоминанием о его погибшей любви, на которую он возлагал столько надежд...

В тот день студенты университета, вышедшие в коридор четвертого этажа на перемену, никак не могли понять, почему

суровый профессор Романов горько плачет, а красивая восемнадцатилетняя девушка пытается его успокоить. И для многих осталось загадкой, почему преподаватель постоянно называет девушку Аней, хотя у нее было совсем другое, более редкое имя - Кира...

**Антон
БОЧАНОВ**

*аспирант кафедры теории, истории
и философии культуры*

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ БИОЛОГИЯ

Стояла такая тишина, что было слышно лёгкое потрескивание дымящей сигареты при очередной затяжке. Нет, то была тишина не зловещая, а расслабляюще рефлексирующая, которая зачастую помогает сконцентрировать внимание на одном, самом важном, моменте. Сигарета превращалась в пепел удивительно быстро, а дым поднимался ввысь очень медленно, окутывая мягкой пеленой всё вокруг. Можно было обойтись и без сигареты (тишина сама по себе располагала к различным философским думам), но без неё не удалось бы целостно воссоздать всю картину переживаний, только что родившихся в его голове. То были даже не переживания - это было своего рода новое мировоззрение, которое он пытался сформировать для себя всю свою сознательную жизнь.

А началось всё с того, что приснился ему сегодня ночью кошмар. Проснувшись, выпив кофе, он уже не мог заснуть. Снилось ему, что он - живой листик молодого дубка. Да-да, именно тот листочек, структуру и свойства которого изучают школьники на уроках ботаники. То есть, он понимал, что он - всего лишь лист из сотен тысяч других листов этого дерева. Он понимал, что скоро отомрёт, и его место займёт другой - молодой, здоровый, зелёный. Естественно, как любому живому существу, ему этого жутко не хотелось, и осознание того, что в скором времени придёт Конец, очень сильно волновало его.

Замечательны были симптомы старения листа - сначала замедленное деление клеток, потом омертвление тканей, наконец,

изменение цвета, и ... Смерти, то есть отрыва от ветви дерева он не почувствовал - проснулся. И вот когда осталось совсем немного времени (растения точно знают, сколько времени им отведено, в отличие от человека), он вдруг жутко испугался. Испугался не того, что его ждёт дальше, а самого феномена смерти. Сократу повезло - природа наделила его величайшей умственной и духовной силой, он мог себе позволить не бояться смерти. Дескать, пока мы есть - смерти нет, а когда наступает смерть - то уже нас нет, так не стоит и бояться окаянной. Но одно дело - великий мыслитель древности, и другое дело он. Тем более что сны - это сфера бессознательного, там сокрыты все истинные переживания людей. Сколь ни бравируй железной волей наяву, не вытесняй слабости и страх внутрь, во сне всё встаёт на свои места. Наверное, от этого страха он и проснулся. Возможно, другим такой сон даже понравился бы, но только не ему, чьё сознание стало ясным только теперь - на 54-м году жизни.

Могучее Государство - это дуб, растущий отдельно в поле. Если рядом нет других деревьев, то на хорошей почве, при содействии солнца вырастает мощное, здоровое дерево. Если же жёлудь пророс в дремучем лесу, сначала ему придётся несладко в борьбе за место под солнцем. Другие деревья будут его просто затенять.

Отдельные дубы, растущие в полях - это США, Канада, Австралия. Правда, все они выросли из желудей одной единственной Англии. Но именно отсутствие географических соседей позволило им превратиться в мощные дубы. Всю свою внутреннюю энергию они могли использовать исключительно в своих целях, не стараясь выйти из тени других деревьев. Ему подумалось, что в идеале было бы по примеру Англии, бросить свой жёлудь в отдалённую землю, не имеющую никаких соседних деревьев. К сожалению, единственное место суши, которое отвечало бы этим требованиям - была Антарктида, к росткам любых растений крайне суровая.

Он подошёл к политической карте мира. Посмотреть на Европу, так это дремучий лес - большинство государств находится в тени трёх-четырёх стран. Но и эти три-четыре дерева не могут распуститься в полную силу - все время приходится тратить энергию на сбор питательных средств из почвы, на рост по вертикали, ведь только так тебя не заслонят от солнца. А корни и основание у таких деревьев недостаточно крепки, их неизбежно будет раскачивать при малейшем дуновении ветра.

Но ведь бывают могучие дубы и в лесу! Когда дуб

становится зрелым, когда раскидывает вокруг себя корни, осенние листья и жёлуди, он тем самым делает почву вокруг себя более тяжелой, плотной, непригодной для слабых деревьев. Советский Союз должен удобрить землю вокруг себя так, чтобы там могли расти только свои отпрыски - сильные, молодые дубки. Мировая революция возможна! Только для этого нужен пример. Необходимо из своего дубка, зародившегося в лесу, вырастить полноценное дерево. А для этого - энтузиазм и терпение. Первого и второго ему было не занимать. Только нужно не забывать о таком явлении, как паразитизм. Некоторые сорняки тщательно маскируют свою пагубную деятельность под мутуализм - взаимовыгодный симбиоз. Такие паразиты могут изнутри разьесть здоровое дерево, забирая все жизненные соки, и не отдавая ничего взамен (с содроганием вспомнил Финляндию).

Рождение листьев, их рост, умирание - это процессы необратимые и необходимые для нормального существования дерева в целом. Для придания правильной формы дереву, его подрезают, при необходимости дерево прищипывают, обрубая иногда не просто ветви, но и сам ствол. Что уж говорить о листочках, столь маленьких, но столь необходимых, для создания дерева в целом. Подсознательный страх смерти окончательно заглушился железной волей. При необходимости, он готов был пожертвовать собой ради жизни дерева. Но он понял главное. Его Конец ещё не пришёл. Он обязан отдать своему молодому дубу всю свою энергию до конца.

Он подошел к стеллажу, на котором красовалась надпись "Подарки", и из коробочки "Franklin Delano Roosevelt" достал ещё одну пачку сигарет. Трубку он теперь курил только на людях...

P.S. Он не знал, что его главному оппоненту в Европе, человеку с маленькими усиками, но большими амбициями, сегодня, 11 апреля 1933, приснился идентичный сон.

**Виктор
КУТКОВОЙ**
доцент кафедры дизайна

ПЕЙЗАЖ С ПРЕДЧУВСТВИЯМИ

Она часто оборачивалась. Явно кого-то ожидала. Но никто не появлялся.

И вот двери электрички захлопнулись; медленно, а потом все быстрее и быстрее побежали деревья, мелькнули дома...

Она сняла плащ и успокоилась.

Воздух наполнялся запыленными невидимыми искрами сна. Стояла тишина, обрамляемая лишь картавыми звуками железа из-под вагона. Клонило ко сну.

Он не обратил бы на Нее никакого внимания, если бы случайно не глянул на маленькие руки, "книжкой" сложенные вместе. Он попробовал смотреть лишь в окно, но глаза снова возвращались в ту же точку.

Суровые следы каждодневных деревенских трудов испортили красивые ладони. Бесцветная патина уже пригасила на Ее лице лоск ("Где же ты, услужливый городской волшебник, макияж?", - подумал Он), но за выступающими округлостями вязаного платья угадывалось гибкое, еще полное молодых сил тело.

Задеть Ее каким-нибудь вопросом? Неожиданно. И чем смешней, тем лучше. Или...

Но Его встретила такая неприступность, будто рядом сидела статуя Матери-Родины. Он был совершенно пустым местом для соседки.

Спрашивать расхотелось.

Зря и подсел...

"Почему она задается? - заскучал Он. - Тоже мне, Мона Лиза из Простоквашино!".

Поверх темных деревьев брызнул горячий луч, и оконное стекло, на миг превратившись в зеркало, бросило в вагон Его дачный портрет-отражение.

Ах, вот оно что. Оплошал. Можно было догадаться и раньше. Обыкновенная провинциальная нелюбовь к дачникам? Или - вообще к мужчинам?

Осмелев, Он спросил:

- Простите, один вопрос. С какой стороны дома находится завалинка?

Уж теперь-то Она должна заговорить.

Из скрытого репродуктора неожиданно раздалось брюсовское:

*Ищу в себе томительную дрожь,
Роптание живительных предчувствий...*

И тут же смолкло.

Соседка закрыла глаза и ответила тоном престарелой учительницы:

- Не валяйте дурака. Вы ведь сам из деревни.

Обидно. Считает за "черную кость" или за "перекати-поле". Вот откуда гонор и непроницаемость. А какая разница? Он сбежал из деревни в город, Она же, не иначе, из города - в деревню. Такова жизнь. Все хотят занять место под солнцем; никто из нормальных людей еще от такового не отказался. Или Она - из идейных? Принесла в жертву Отечеству свою свежесть-молодость, тем и горда? И не жалким ренегатам беспокоить Ее бестолковыми вопросами.

Он пальцем толкнул шляпу на затылок и резнул глазом.

Все напрасно.

Она дремала, пристынув щекой к стеклу. Он увидел Ее усталой, переполненной какими-то туманными предчувствиями, но прекрасной.

И что-то в Нем разом изменилось. Неожиданно. Пронзительно. Не доступно для разума.

А там - за жемчужным подрагивающим зеркальем - в сквозном мартовском раздолье - медленно разворачивалась церковь, боком и как бы нехотя, давно разоренная, исколупанная местами до красного кирпичного "мяса", олохмаченная по карнизам травой и кустарником, там и сям зияющая провалами,

пустыми черными проемами дверей и многочисленных окон.

Он снял шляпу. И одел ее на тот же крючок, на котором висел женский плащ.

В это время что-то глухо, но громко ударило по окну. Расплющилось и распласталось по нему, размазывая до неприятности вид из окна. Снежок...

Она оттринула от стекла и испуганно посмотрела на спутника. Он глянул в окно поверх пятна.

- Пацан, - успокаивая Ее, сказал Он. - Еще и погрозил нам вослед кулаком.

У Нее впервые на губах появилась легкая улыбка, словно она вспомнила о забытой тайне, и та наконец Ей открылась.

"А все-таки Она действительно чем-то похожа на Мону Лизу", - поймал Он себя на мысли. И тоже, пряча улыбку, закрыл глаза.

Ходило лишь да тяжело перекрикивалось под полом железо.

ПРЕРВАННАЯ МЕЛОДИЯ

Зачем Она сюда пришла? - всегда изнывала в шумных компаниях от пустой траты времени, а вот сегодня смалодушествовала: уступила настойчивым просьбам сокурсников и пришла. Зачем? Ради паутинного сентября; ради несуразной традиции отмечать начало учебы.

Она ругала себя и не знала, что делать дальше.

Со стены из темной рамы поддразнивал гипсовый купидон, перевязанный белой лентой, с пучком сухих трав за спиной.

Какую шалость готовит этот античный безобразник сегодня?

Скучные, затертые танцы. Едкий дым курильщиков. Заветренный винегрет.

Мишенью большинства остроумцев скоро стал угловатый молодой человек с длинным носом. - "Коко": такую кличку из французского фильма дали Ему сегодня.

Он улыбался, часто роняя на пол пепел сигареты. А потом поколдовал над большим старым магнитофоном и извлек из щелкающе-шипящего нутра музыку на заказ. Сегодня в моде был стиль "ретро".

Вечер кружился в своем душном, как густая пыль, гаме. Без умолка. Без конца. Без края.

Пахло пудрой и плохим табаком.

И снова смех, снова шутки.

Но на сей раз...

Он обронил пепел из дрожащих рук?

"Что же этого новоиспеченного князя Мышкина здесь удерживает?" - думала Она. Искала ответ в Его глазах: они встретились взглядами. Молчаливого диалога не получилось. Молодой человек зажмурился. И продолжал раскачиваться в ритм музыки.

Разговоры соскользнули на другую тему, равнодушно оставив Его в...

И Она встала...

Она встала так, что обратила внимание большинства компании. Потом дотянулась до магнитофона и, стиснув зубы, рванула на себя ленту.

Тишина съежилась. Громко свалилась со стола вилка. Земляничные ноготки застыли на полуоткрытых губах. Вокруг до

странности похожие друг на друга лица...

Что-то будет. Все ждали.

Она понимала.

Струисто поземился низом пепел - праздный морок? - а может быть, невостребованный порох? - бесполезно проведенных часов - и - сгоревших, неузнанных мыслей; горьковатый осадок, оставшийся на душе.

Она выбралась из-за стола, вызволяя себя из вечернего плена. Уже хотела уйти. Но повернулась к Нему.

Он закусил губу.

Закрыв глаза, Тебя я вижу.

Все в этом мире нам с Тобою вопреки:

И ветер в парус, и течение реки...

Твой голос среди ночи ясно слышу.

Вот потому и нет у нас спасительной любви.

Князь Мышкин по имени Коко... Знаешь ли Ты, что говорят ирландцы по поводу длинных носов?

Это уже был как бы и не вечер, а бульварная газетенка: зачем-то по глупости ее посмотрела и прочла, а теперь - точно отравилась.

Значит, судьба... Хотя в судьбу и не верила.

Мышкин доверительно и глуповато улыбнулся, не сводя с Нее глаз. Любопытство захватило Его навывказ: от нетерпения Он даже почесал нос. Магнитофон продолжал хлестать оборванной лентой.

И лишь за окном - в соседнем доме напротив - сиплый певец изо всех сил терзал гитару.

Усмехнувшись, Она отбросила волосы назад и подошла к Нему. Ладонями охватив плохо выбритые щеки, Она поцеловала Его.

И ушла...

**Марина
ЖУКОВА**

доцент кафедры русского языка

ТЕНЬ И ПЛЕТЕНЬ

*А то, что мыслится, то существует.
Луи Арагон, "Волна грез".*

Наступила осень. Мир вокруг стал серым и безликим. Плетень с грустью вспоминал солнечное тёплое лето. Оно пронеслось так быстро. Пришли дожди, слякоть и вместе с ними чувство горького одиночества. Ещё летом рядом с ним безотлучно была его спутница жизни - верная молчаливая Тень. Она смотрела на него снизу вверх, и весь её вид выражал безмолвное восхищение и обожание. Иногда она что-то нежно шептала на ухо горделивому и самовлюблённому Плетню, от чего он становился ещё более заносчивым и гордым. О, как много он бы сейчас отдал за тихий воркующий голос Тени, за те слова, которые она влюблённо повторяла ему, обволакивая его ласковым взглядом и даря ему свою обворожительную мягкую улыбку. Каким наивным он представлялся сам себе теперь, раскачиваясь как от нестерпимой боли, под налетевшим со стороны сурового севера студёным осенним ветром. Дрожа от холода, он поднимал взор к небу и видел, как нескончаемыми вереницами тянулись к югу стаи улетающих птиц. Может быть, эти птицы увидят там, вдаль, за тысячи вёрст его беглянку Тень. Воспоминание о ней было невыносимым для Плетня. Тот день запомнился ему навсегда. Тень как обычно лежала у ног Плетня и что-то мурлыкала на ухо снисходительно внимающему её шёпоту кумиру. А тот, не чуя надвигающейся беды, задерживал

свой взгляд то на молоденькой берёзке, то невольно переводил его на кокетливую рябинку, вздёрнувшую высоко свою кудрявую хорошенькую головку. Он чувствовал себя под их оценивающими взглядами просто неотразимым красавцем и совсем отвлёкся мыслями от терпеливо ожидающей его Тени. Плетень очнулся лишь в тот момент, когда к дому, у которого он возвышался, подъехала новенькая блестящая иномарка. Фыркнув на Плетень удушливым запахом бензина, автомобиль остановился как раз напротив него и презрительно ослепил на какое-то мгновение яркими фарами. Хлопнула дверца, и показался невысокий плотного телосложения мужчина в нестерпимо сверкающих ботинках, протопавших энергично по изношенным ступенькам крылечка.

Громко, по-барски владелец авто позвал хозяина дома, и голос его продолжал звучать уже тише за захлопнувшейся деревянной массивной дверью, явно обращаясь к обладателю дома то ли с вопросом, то ли с деловым предложением. Плетень весь обратился в слух.

Вот уже год как преклонного возраста хозяин пытался продать этот не новый, с облупившейся там и тут краской, но всё ещё крепкий и ладный дом по объявлению, размещённому в газете. Плетень страшился предстоящей смены хозяина. Он привык к этому всё ещё крепкому, как и его дом, старику, который своими умелыми руками смастерил Плетень лет тридцать назад вместо сломавшегося старого его предшественника. Как-то услышав сказку про Буратино, которую старик читал своему пятилетнему внуку, приехавшему погостить из города, Плетень решил, что он чем-то напоминает себе этого самого Буратино, а старика после этого стал называть папа Карло.

Плетень напрягся, чтобы уловить происходивший внутри дома разговор, но так и не смог разобрать, что же отвечал гостю его папа Карло. Как выяснилось позднее, торг не состоялся. Гость, похоже, был очень раздражён. Он выбежал из дома, сердито топая по скрипучим ступенькам своими супермодными штиблетами. Резко и поспешно залётный незнакомец дёрнул перламутровую ручку сверкающей новеньким лаком дверцы своего автомобиля и, плюхнувшись всей тяжестью тела на роскошное сиденье, стал заводить мотор пижона-иностранца. С мягким урчанием автомобиль легко и почти бесшумно тронулся с места и, быстро набирая скорость, очень скоро скрылся из вида, оставив после себя только едкий медленно выветривающийся запах бензина, от которого у Плетня

защекотало в носу, и он чихнул несколько раз кряду, крепко зажмурив глаза. Когда Плетень их снова открыл, его охватило чувство какой-то смутно осознаваемой, всё нарастающей, как снежный ком тревоги. Прошло несколько секунд. И вдруг словно судорогой пронзила мысль - Тени не было на привычном для него месте! С ужасом Плетень вспомнил то, на что он, увлечённый происходившим в доме разговором хозяина и гостя, поначалу вовсе не обратил внимания. В то время как все мысли Плетня были заняты возможной продажей дома, Тень с большим любопытством осматривающая оставленный гостем автомобиль, подбиралась всё ближе и ближе к колёсам заморского красавца и, похоже, вступила с ним в разговор. Но Плетень припоминал всё это с большим трудом, сомневаясь, не пригрезилось ли ему всё это и втайне надеясь, что воскрешённая услужливой памятью сцена является всего-навсего игрой его распалённого воображения. Но сколько он ни глядел себе под ноги, сколько ни всматривался в ту сторону, куда, судя по всему, навсегда умчался автомобиль, Тень так никогда и не появилась. С этой мыслью невозможно было смириться. Его Тень, преданная ему и телом и душой, сбежала от него с новым бойфрендом. Польстилась на одежду. А он ещё называл её своей Мальвиной. Так звали подружку Буратино из услышанной им сказки. Плетень вмиг осиротел и разом потерял свою осанку и горделивость. Теперь ничто не могло отвлечь его от тягостных размышлений и грустных воспоминаний о Тени. Иногда он устремлял свой взор к небу и просил его простить грешницу Тень. И ещё он молил небо о том, чтобы Тень вспомнила о нём и в один прекрасный день снова вернулась к нему. И эта мысль была как наваждение. Плетень неотступно думал о Тени. О, если бы кто-то в этом мире смог снова свести вместе Тень и Плетень!

Максим ГУРЕЕВ

*доцент кафедры теории, истории
и философии культуры*

БРЕННОЕ И ВЕЧНОЕ ВОПРЕКИ БЕСПЕЧНОМУ

(афоризмы)

1) На предельную честность способны только беспредельно мужественные.

2) Ждать от судей "конкурса красоты" объективной оценки - то же, что учить афоризмы наизусть, не понимая их смысла.

3) Каждый выбирает по себе, но когда меняешься ты сам, то меняются и те, кого ты любишь, твоё окружение.

4) Миру не нужны одинаковые люди, весь смысл земной миссии человека состоит в раскрытии своей уникальности и Божественной Любви через эту уникальность.

5) Хорошая шутка хороша только один раз.

6) Вчера я думал одно, сегодня - другое ... Я не обязан консервировать свои мысли.

7) Не допусти, чтобы личности измельчали до личиночностей! Человек не должен стать личинкой.

8) Женщина любит не столько мужчину, сколько его любовь к ней.

9) Сильный ищет поединка с ещё более сильным, слабый - пытается унижить ещё более слабого.

10) "Знаешь - говори, не знаешь - слушай". Говорить, но не знать - это наглость и лживость; знать, но не говорить - хитрость и подлость.

- 11) В своей жизни мы часто встречаем простых людей, в которых сложно разобраться...
- 12) Красота уникального слова, комбинации слов не столь значима по сравнению с прочностью последствий поступка.
- 13) Перед дураками можно оправдываться до бесконечности.
- 14) Сны-предупреждения должны компенсироваться снами-перспективами.
- 15) Частые повторения притупляют остроту ощущений: как отрицательных, так и положительных.
- 16) Объективный мир - это совокупность влияния всех субъективных миров.
- 17) Хроническая скрытность - это выражение патологической трусости.
- 18) Слово "цельность" не случайно содержит в своём корне "цель": любая цельная, целостная личность всегда имеет цель в своей жизни.
- 19) Доверчивые идиоты временами могут наломать дров больше, чем самые принципиальные циники-мизантропы.
- 20) Любой жизненный выбор исходит от человека, а все результаты - скрепляются Богом.
- 21) В периоды испытаний слабые ожесточаются, как того жаждет дьявол; сильные же - становятся ещё сильнее, как того хочет Бог.

**9 сентября 2010 -
9 октября 2011**

Полина МУХИНА

*студентка психолого-педагогического
факультета*

ИСТОРИЯ ПРО МЫШЕК

Жили-были две маленькие мышки. Машка-мама и мышка-Иришка. Они были такие маленькие, такие хорошенькие. Влажные и добрые черненькие глазки. Серые пушистые ушки, мягкие усики и тоненькие хвостики. Они жили очень дружной семьей, крепко любили друг друга и очень скучали по папе, которого у них никогда не было. Папа ушел давно, когда еще не было мышки-дочки. Они тогда с мамой сильно поссорились, и он ушел. Неизвестно куда. Наши мышки даже не знали, жив он или нет. Может, его давно поймала хитрая лиса или хищная сова. Конечно, им было нелегко одним. Некому было выкопать новую норку. Когда хозяйка-мышка убегала на поиски зернышек, ей приходилось оставлять дочку одну. Мама старалась быть веселой, говорила, что все будет хорошо. И мышка-дочка верила ей. Кому же еще ей было верить, как не самому близкому существу в ее маленьком мире.

В этом маленьком мире была только маленькая норка, огромное поле и бесконечное небо над головой. Когда Иришка выходила из норки, ей становилось страшно одной перед этим чужим миром, в котором гораздо больше врагов, чем друзей. Друзьями их были пара хомяков и другие мышки, живущие поблизости. Она прибегала в гости к другим мышкам и видела, как их папы играют с ними. Как маленькие мышата нежно трутся о папину мордочку своими носиками. Как они хихикают, когда папа щекочет их своим хвостиком. Это щекотало чувства маленькой мышки. С одной стороны, ей так не хватало этого, с

другой - ей было радостно за других мышек, было радостно, что они счастливы. В такие минуты ей очень не хотелось идти домой. Конечно, она очень любила свою маму и скучала по ней. Но у них дома не было того воздуха, который жил в этих семьях.

Однажды осенью маленькая мышка вышла из норки после дождя, ей хотелось подышать свежим воздухом. В норке было душно и темно. Там хорошо спать, уткнувшись в мамин животик. А ей хотелось помечтать.

Она немножко помечтала о лете и сладкой, свежей травке, о теплом солнышке, которое давно уже не появлялось на небосклоне, затянутом тучами. Было уже темно. На небе где-то далеко-далеко сияла яркая звезда. Она смотрела на эту одинокую звезду. И ей тоже было одиноко. Оттого, что ее никто не понимал. Маленьким мышкам, ее друзьям всегда было весело. И они не задумывались о серьезных вещах. А ей не давали покоя вопросы: почему у нее нет папы? Почему его так не хватает? Когда он придет? Маме говорить об этом она не решалась - вдруг мама рассердится. Нет, у нее была очень добрая и чуткая мама. Иришка боялась расстраивать ее. Она мечтала и верила, что папа однажды обязательно придет. Как они с мамой обрадуются! И мама сразу его простит. И они будут о чем-то долго-долго говорить шепотом, когда она уснет. А на следующий день они с папой пойдут гулять. Им будет очень весело вместе. Сначала, они будут играть и валяться в пыли у дороги. А потом она сядет и будет долго, не отрываясь, слушать папины рассказы о том, где он был и какие опасности, трудности преодолел, чтобы вернуться к ним....

Мечтая обо всем этом, она так и уснула на сырой травке перед норкой. Ей снился папа. Он был смелым, сражаясь со сказочными котами, которых мышка никогда не видела, но очень живо себе представляла по маминым рассказам. Ей снилось, как папа спасает их с мамой от сильного дождя, затопившего их норку. Такой сладкий был сон.... Мама почувствовала это и не стала ее будить, только осторожно перенесла на кровать из мягких перышек и травинки, любимую кровать маленькой мышки, на которой она спала всю свою жизнь.

ЗАСТЕНЧИВЫЙ РОМА

Однажды Иришка бойко играла со своим хвостиком рядом с домом, как вдруг увидела, что маленький хомячок сидит напротив и смотрит на нее. Он не решался с ней заговорить. Тогда любопытная мышка сама спросила, как его зовут, и где он живет. Хомячок ответил, что зовут его Рома, что живет он где-то далеко. Он сказал, хлюпая носом, что заблудился и уже устал искать свой дом. Мышка пожалела маленького застенчивого хомячка и пообещала помочь. Только нужно предупредить маму.

Когда они отправились в путь, мышка спросила, как выглядит его дом. Он сказал, что он с мамой живет под старым большим деревом. "Но здесь нет деревьев, - подумала мышка - нужна забраться на тот холмик и посмотреть вдаль". Догадливая Иришка сделала это, огляделась по сторонам и увидела несколько деревьев. Казалось, они совсем рядом. Юные путешественники бодро отправились в их направлении, но деревья приближались медленно. Они очень устали, пока дошли до них. И какими они оказались огромными! Невозможно было разглядеть верхушки.

Наконец-то они нашли дом Ромы. Он был бесконечно счастлив. А как была счастлива его мама! Она беспокоилась о нем с самого утра. Она расцеловала их обоих и накормила свежими овсяными зернышками. После обеда Рома торжественно сказал, что он знает тайну, и в благодарность за спасение готов ее открыть.

Оказалось, что у Ромы тоже не было отца. Но он знал, где его искать. Мама давным-давно рассказала ему, что где-то за рекой, на другом берегу есть "берег потерянных отцов". Там живут все папы, которых потеряли. Они не помнят дороги домой, но очень хотят вернуться. Им некому помочь - никто не знает дороги туда. Рома очень хотел найти своего отца, но не решался пойти один. Теперь он подумал, что если мышка смогла найти его дом, значит, она сможет найти этот далекий берег. Конечно, он поможет ей в этом.

Иришка загорелась этой идеей. Наверняка и ее папа тоже там. Он скучает и хочет домой. Он сидит и смотрит на серое, хмурое небо. Дождик идет, дует холодный противный ветер. Ему холодно и грустно одному. У него нет дома. Никто не поговорит с ним, никто не позаботится о нем. Конечно, там много пап, про

которых забыли, которых никто не ищет. Они уже никому не нужны, им уже нашли замену. Но ее папу никто не заменит. Она не хочет другого папу. Она будет искать своего папу. Пусть на это уйдет неделя или даже месяц. Это казалось большим сроком.

Она взглянула вокруг. Чтобы увидеть что-нибудь кроме травы, приходилось все время поднимать голову. Над ней открывалось туманное небо, но в нем был проблеск светлой надежды - она найдет папу. Обязательно найдет. Ведь теперь она знает, где искать, а это уже гарантия успеха. Яркое солнышко пробивалось из-за туч, как будто подбадривая ее, легкий ветерок веселил ее усики. Она уже почти решилась на это путешествие. Мама не будет сердиться, что ее не предупредили. Ведь мышка вернется с папой. И все будет хорошо.

Роме было страшно. Но он не хотел этого показывать и храбрился изо всех сил. Его маме тоже ничего не сказали - вдруг не отпустит. Путешествие начинается!

БЕРЕГ ПОТЕРЯННЫХ ОТЦОВ

Они решительно двинулись в путь. Но куда идти? Они остановились и стали совещаться. Если это берег, - говорили они - должна быть река. Рома стал вспоминать, нет ли поблизости рек. И вспомнил, что один друг рассказывал ему, как угодил в воду, и как его потом вытаскивали. Идти нужно было вглубь леса.

Солнце уже садилось, и, пройдя совсем немного, им пришлось устраиваться на ночлег. Потаскав сухой травки, они уткнулись носиками друг в друга - чтобы было теплее - и заснули. Ночью ветер шумел верхушками деревьев, раздавались незнакомые звуки. То филин заухает совсем рядом, то донесется издали печальная песня волка. Рома просыпался и вздрагивал. Спокойный сон его спутницы вселял смелость в него. Он несколько раз глубоко вздыхал, чтобы успокоится, и снова засыпал.

Пришло утро. Холодное и туманное. Хотелось кушать. Они побегали вокруг, но не нашли ничего подходящего.

- Ну, пошли,- решил Рома. И они отправились, надеясь перекусить по дороге. Сначала они шли по сухой травке. Потом травка стала сочнее и выше. Они даже смогли подкрепиться немного этой травкой - легкий салат. Чем дальше они продвигались, тем холоднее становилось лапкам. Земля стала мокрой, появилась болотная трава и осока.

Мышка испугалась.

- Как мы пойдем дальше? Здесь мокро и холодно.

- Это ничего - ободрил ее Рома - это даже очень хорошо.

Это значит, что река уже близко, что мы идем правильно.

Услышав это, Иришка побежала так быстро, что Рома еле за ней успевал. Послышалось кваканье лягушек и плеск воды. Подул свежий ветерок с запахом рыбы и водорослей. Как рады были они слышать лягушек, Рома готов был расцеловать каждую из них. Река была уже совсем близко, а солнце было еще высоко. Иришка напряженно думала о том, как она встретится с отцом, и что она ему скажет. Она никогда не видела его. Но была уверена, что сразу узнает и полюбит его. Рома переживал, вдруг он не понравится папе. Вдруг папа расстроится, что Рома вырос не такой, как мечтал папа.

Во власти этих прекрасных раздумий они подошли к реке. Она казалась огромной. Не было видно берегов. Это была тихая

лесная речушка. Но малышам она казалась бурлящим потоком. Ведь они видели реку в первый раз и к тому же не умели плавать. Наверное, их папы ждали их на том берегу, но впереди только вода.

- Как же мы переберемся на ту сторону? Я не могу плавать.
- Расстроилась мышка. Рома тоже расстроился и сел рядом. Он не знал, что ей сказать и чувствовал себе виноватым, что привел ее сюда, а теперь придется возвращаться ни с чем. Они сидели и грустно смотрели вокруг. Брызги летели прямо на их маленькие носики и ушки, а они все сидели и грустили. Вдруг Рома многозначительно покосился на ближайшую осоку.

- Трава умеет плавать? - спросил он.

- Давай посмотрим.

Мышка быстро отгрызла осоку и ловко спустила ее на воду. Она поплыла, гонимая течением.

- Нужно построить плот. Только я не умею. - Сделал вывод Рома.

- Я умею. - Ответила мышка. - Мама учила меня плести коврики из сухих травинок. Мы сплетем коврик и переплывем на нем.

- Только плети коврик потолще, чтобы вода не просочилась. А я буду приносить тебе осоку. - Предложил Рома.

Работа у них спорилась. Рома грыз и таскал осоку. Юркая Иришка переплетала травинки. Красивый получился коврик. Теперь нужно было стащить его на воду, а сил уже не оставалось. Пустые животики ныли от голода. Трава не давала насыщения, а ничего другого у них не было. Но об этом было некогда думать, хотелось поскорее переплыть на ту сторону.

Вот, наконец, плот готов.

- Хороший плот, прочный. - Говорит Рома.

- Да, но выдержит ли он нас двоих, - беспокоится мышка.

- Я один не поплыву, - трусит Рома.

- Ладно, поплывем вместе - соглашается мышка, - залезай.

Они забираются на плот. Сидят. Надо кому-то толкнуть плот в воду. Значит поплывет кто-то один. Думают.

- Ну, вот что. - Решается Иришка. - Я тебя буду держать за передние лапки, а задними будешь отталкиваться от берега. Потом я тебя вытащу.

Рома боится. Но другого выхода нет. Он слезает и начинает толкать задними лапками. Кажется, вода совсем близко. Но плот тяжелый, движется медленно. Вот, он уже наполовину в воде. Рома сел отдохнуть. В этот момент порыв ветра пригоняет

маленькую волну. Толчок. Плот начинает шевелиться. Сейчас поплывет. Хорошо, что Рома успел прыгнуть на борт. Плот еще раз качнулся и поплыл.

Это так непривычно - плыть по волнам. Они удивлены этим ощущением. Немножко мокро лапкам - просачивается вода. Но они держаться на плаву и отправляются в свое первое плавание. Течение быстрое, оно несет мышек вперед навстречу новой радости. Ветер тормозит их шерсть, брызги разбиваются и падают на них. И они счастливы.

Вдалеке, на другом берегу, они увидели несколько смешных домиков. Они были покосившиеся, вокруг был беспорядок, и виднелись серые спинки мышек. Они еще сомневались, нашли ли они то, что искали, или это мираж. Они, затаив дыхание, смотрели туда, стараясь увидеть что-то знакомое, угадать, что это за место. Течение быстрое. И вот их уже относит в сторону, вдаль от городка надежды. Они засуетились. Нужно сойти на берег! Но как? До берега далеко.

- Я буду держаться за плот и плыть. - Решила Иришка. - Постепенно доплывем до берега.

Ничего не получалось. Течение несло их вперед, к берегу они не приближались. Нужно было набраться смелости и плыть самостоятельно. Это означало потерять возможность возвращения. Иришка решилась. Она отпустила лапки и пустилась к берегу. Волны ударили в нос. Она фыркала, отчаянно била лапками, но продолжала плыть. Рома растерянно смотрел ей вслед. Он не решался на такой смелый поступок, пока было непонятно, чем он закончится. Наконец, мышка, усталая, мокрая доплыла до берега. Рома зажмурился и нырнул за ней. Не помня себя, он бил лапками по воде, опомнился только когда оказался на берегу. Сам удивился, что так быстро все закончилось.

Вот и закончилось волнующее путешествие. Станет ли оно успешным?

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Вдалеке копошились мыши, их было немного. Несколько домишек, сделанных из соломы и травы. Вокруг бегали мыши. Что-то ремонтировали, искали еду. Создавалось впечатление, что они очень заняты и увлечены своими заботами. А, может, они просто пытались отвлечься от грустных мыслей о потерянной семье.

Рома и Иришка остановились вдалеке и наблюдали за ними. Они не решались подойти. Вдруг к ним подошел старый вожак. Он был седой, хромал на одну лапу и смотрел исподлобья с подозрением. Он спросил, кто они, откуда и кого ищут. После трогательного рассказа юных путешественников, он просиял и пообещал им помочь.

- Понимаете, мы не помним, где наши семьи. Поэтому не можем вернуться. Но мы рады хотя бы тому, что вместе, можем помогать друг другу. Я здесь дольше всех. Видимо, здешний климат обладает определенными свойствами, чем дольше здесь живешь, тем больше забываешь. Я уже ничего не помню о своей семье. Я помню, что у меня была семья и продолжаю скучать по ней. Знаете, болит где-то глубоко, когда я думаю об этом. Поэтому я стараюсь об этом не думать. Стараюсь занять себя чем-то полезным. Но много ли нужно мне одному. Если бы за мной пришли, может быть, и узнал бы их и все вспомнил. Но прошло уже много времени. Меня уже не ищут. Отсюда уходят только те, за которыми приходит их семья. Но таких было немного.

- Закончил свой рассказ вожак.

- Скажите, - нерешительно начала Иришка, - а были такие семьи, которые не находили здесь своих отцов?

- На моей памяти такого не случалось, - задумался вожак, - это происходит только если отец погиб. Все остальные приходят сюда.

Рома весь задрожал, услышав это. Он больше всего на свете боялся потерять последнюю надежду. Он никогда не видел своего отца. Сколько не смотрел он на мышей, не мог разглядеть среди них ни одного хомяка.

Иришка продолжала верить, что ее отец здесь. Ей не терпелось познакомиться с ним.

- Сейчас мы пойдем туда. Вам нужно набраться смелости, выйти на середину и рассказать как можно больше о своей

семье. Все, что вы знаете. О своих мамах, о братьях, о своем доме. Чем подробнее вы расскажете, тем лучше. Ваши папы среагируют на ваш рассказ. - Торжественно сказал вожак.

- Мы готовы. Пошли, Рома. - Сказала Иришка.

Рома продолжал дрожать, но послушно пошел за ней. Они вышли на середину. Глаза всех мышей в лагере обратились к ним. Каждый вглядывался в них, надеясь узнать своих детей.

Мышка рассказала им все, что помнила. Рассказала, какая у них уютная норка, какой там всегда порядок. Сказала, что они с мамой любят мечтать по вечерам, а утром долго нежатся в постельках. Она уже не знала, что говорить. Никто не откликнулся. Только некоторые продолжали слушать, остальные вернулись к своим делам. Мышка судорожно вспоминала, что еще она знает о папе. И она вспомнила.

- Мой папа больше всего на свете любит есть посушенные корешки, мама до сих пор собирает их для него. - Торжественно заключила мышка.

Ее сердечко стучало так громко, казалось, все слышат его. Она радовалась, что смогла вспомнить такую важную деталь. Вокруг висела тишина. Вдруг один папа, на которого она даже не смотрела, двинулся к ней. Он был слегка растрепанный, но очень милый.

Я - твой папа. - Уверенно произнес он. - Многие мамы аккуратны, многие домики уютны. Но корешки здесь люблю только я. Все остальные плюются.

Он подошел совсем близко к ней. Его черные глазки наполнились слезами. Он смотрел на нее долго, внимательно. Мышкино сердечко уже совсем выпрыгивало из груди. Ей казалось, что это сон. Она боялась, что сейчас проснется, и все это растает. Она хотела что-то сказать, но не знала что. Рома стоял рядом и, глядя на эту картину, уже начал хлюпать носом. Ему было невыносимо грустно, что своего отца он не нашел, и в тоже время приятно за Иришку. Мышка с папой отошли в сторонку. Им много нужно было сказать друг другу. Папа говорил, как она похожа на маму. Все смотрел на нее, смотрел. Не мог наглядеться. Иришка осмелела и стала спрашивать обо всем, что мучило ее долгое время.

- Почему ты не приходишь? Ты помнишь маму? А давно ты здесь живешь? - Вопросов было много. Папа не успевал на них отвечать. И она была просто рада быть с ним рядом. Она прижалась к нему. Слушала стук его сердца. Его стук был похож на разряды тока. Эти разряды появляются один за другим. Как

приятно быть маленькой, прижаться к своему папе, уткнуться в его грудь. Чувствовать себя под защитой. Чувствовать, что это он, твой папа. Он совсем рядом. Он никогда не предаст и больше не оставит тебя. Он будет твоей поддержкой и помощью, когда будет трудно. Ты всегда сможешь вернуться к нему. И каждый день вы будете с нетерпением ждать друг друга.

Мыша вспомнила про хомячка Рому. Стала искать его глазами. Его нигде не было.

- Папа, подожди, пожалуйста. Ты только никуда не уходи отсюда. Я сейчас вернусь.

Она обежала ближайшие домики, заглянула внутрь. Где-то слышался ромин голос. Голос был бодрый. Но Ромы не видно. Она заглянула в еще один домик и увидела там Рому. Он улыбался от удовольствия. Рядом с ним сидел тоже очень довольный толстенький рыжий хомяк. Они смотрели, не отрываясь, один на другого. Потом Рома рассказывал, что вожак привел его к отцу. Потому что в их селении был всего один хомяк. Он ни с кем не разговаривал, очень скучал по своей семье и чувствовал себя одиноко среди мышей. Ему было трудно с ними подружиться. Он все потом удивлялся, как его сыну удалось это сделать. Папа хомы радовался и говорил, что именно такого сына он всегда хотел иметь.

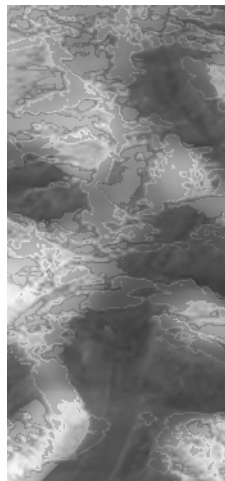
Путь обратно был далеким. Они пошли в обход, папы знали о существовании моста, но не знали, куда он ведет. Они очень торопились домой, им хотелось увидеть удивленные глаза мам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Время в обратной дороге летело незаметно. Они без умолка разговаривали, делились воспоминаниями и новыми впечатлениями. Вот показался домик Ромы. И его мама, увидев их, просияла от счастья. Начались объятия и слезы. А Иришка с папой двинулись дальше.

Когда они остались вдвоем, папа взял Иришку за руку снова посмотрел на нее долгим глубоким взглядом и сказал: "Спасибо, что верила в меня!". Это был очень трогательный момент. Конечно, они вернулись. Их встретила заплаканная мама, не находившая себе места все это время. Были долгие разговоры. Потом жизнь пошла своим чередом. Но этого значительного момента единения с отцом Иришка не смогла забыть всю жизнь. Он всплывал в ее памяти в самые тяжелые моменты жизни и давал сил выстоять, давал уверенность в том, что она нужна, что ее любят.

*"Не щекочи
мою любовь!"*

**Николай
СУМАРОКОВ**
бизнесмен, меценат

ЭПИГРАММЫ

* * *

Опять Дерепашук, стихи читая,
Руками машет, мимику включает.
А я всё жду, когда Светлана здесь и тут
Покажет нам акробатический этюд.

* * *

Сборник читаю в сомнениях:
Нет глубины. Верхоглядство.
Хотелось стихоплетения.
Вчитался - одно стихоплятство.

ХИ-ХИТ АЛЕКСАНДРЕ КАСЬЯНОВОЙ:

*"Господа авангардисты!
Ваши холосты холсты".*
Александра Касьянова

Господа авангардисты!
Спрячьте горести в горсти.
Как артисты вы - когтисты,
живопись орёт: "Пусти!"

Обертонами Бретона
бьются судороги строк -
бейте маслом по бетону,
лейте акварели в сток!

Красота уходит в холод
мятого холста, проста.
Авангарден даже голод:
"Капнем в полости полста!"

Господа авангардисты,
добриваем добрый мир
и по шару: "Целься!" - "Выстрел!"
Холостым. Чтоб холст - без дыр...

ХИ-ХИТ СЕРГЕЮ ГОЛОВИНУ:

*"Отрывал минуту за минутой
от прилипшей к окнам темноты..."*
Сергей Головин

Слизывал за каплей каплю влагу.
Горько-солоно мне, не дождусь дождей...
Слёзы стали пьяной антибрагой
и бредут извивами путей.

Сказывал, чаёвничая, песни
и щипал щепотью нити струн.
Отрывал по крошке хлебец пресный
и лепилась тайнопись из рун...

Долго-долго, медленно и сонно?
Стиль такой. Я стилю верный раб.
Отрывал минуты монотонно
от концерта... Что такое? Храп....

ХИ-ХИТ ИВАНУ ЕГОРОВУ:

*"Воробьи всё галдели. Среди сереньких прочих
был один белый-белый, как смешной ангелочек.*

...

*Клюнет клювиком в темя поутру или к полдню.
Всё свободное время я стихами наполню.*

...

Ты, присыпанный тальком, ты ниспослан Всевышним!"

Иван Егоров

Поэт нашёл коробку с тальком
и пересыпал между делом
не только собственное тело,
а всё - от облаков до гальки.

Лишь воробей взывал к порядку,
клюя и в темя и не в темя.
Но где ему ослабить бремя,
груз поэтических припадков!

Поэт, однако, протрезвел,
увидев белый-белый сюр,
и воробья (амур с гравюр)...
Осанну господу запел...

Тут воробей встряхнулся: "Чёрт с ним!" -
и полетел за крошкой чёрствой.

ХИ-ХИТ ДАРЬЕ ПЕРЕВАЙ:

"Будет в окне голосить тишина.

И, поглядев на окно без огня,

Ты никогда не услышишь меня".

Дарья Перевай

Ты увидел, как в окне голосит тишина.
Прочерк боли - как крыло перебито стекло.
Ты увидел, как в окне голосит тишина,
и, оглохнув, по стеклу тихо эхо сползло.
Ты увидел, как в окне голосит тишина,
и подумав: "Эдвард Мунк" - подбежал, семена.
Ты смотрел, как за окном голосит тишина:
"Плеер выруби, я тут!!! Ты не слышишь меня?"

ХИ-ХИТ АННЕ КУКУШКИНОЙ:

*"Когда любви утихнет смех...
...И не посмеем оскорбить
переплетенье душ насильем,
Чтобы пером любви набить
подушки, ей обрезав крылья".*
Анна Кукушкина

Не щекочи мою любовь!
От смеха выпадают перья.
Переплетает там, за дверью
насилье души вновь и вновь.

А души голые дрожат,
всего одно перо осталось.
И ты щекочешь сквозь усталость
мою любовь, коварный гад!

Когда любви утихнет смех,
пером, пушистым, как игрушку,
я не набью свою подушку.
Пойдёт туда грудной твой мех!

СОНЕТ НЕМНОГОСЛОВНЫЙ

День.
Жара.
В тень
Пора.

Лень.
Гора,
Сень,
Нора -

Ура!
Край
Рай!

Дурак
Зол:
Гол.

СОНЕТ ГЛАГОЛЬНЫЙ

Пойти, купить выпить.
Открыть и налить:
Не выпьешь - не выжить.
Присовокупить.

Поморщиться, крякнуть,
Чихнуть. Закурить.
Наполнить. Отмякнуть;
Не злобиться - жить!

Влудить! Обожраться!
Добавить. Нарваться
Подражаться... Сглупил.

Сбежать-оторваться.
Понять, и смеяться,
И плакать - недоперепил.

СОНЕТ О СОНЕТЕ

Катрены и терцины,
Квадранты и терцеты...
Для дикого поэта -
Оковы - дисциплина.

И веской нет причины
Блюсти канон сонета;
Не лучше ль рвать тенеты,
Месить слова, как глину?

Не ввергнуться ль в пучину
Верлибра без кручины?
В свободе столько воздуха и света!

Но дым от сигареты
Клубится до рассвета...
Ремесленнику воля - не по чину.

КАЛАМБУРЫ

Про себя

Такие стишата -
В помои в ушаты!

Повару

Не будь скотом!
Не наливай мне суп с котом.

Девушкам

В покореньи модельного подиума
Ног длина - поважнее, поди, ума.

В ЖАНРЕ "ПАСТИША"

(Пастернак, Есенин, Лермонтов)

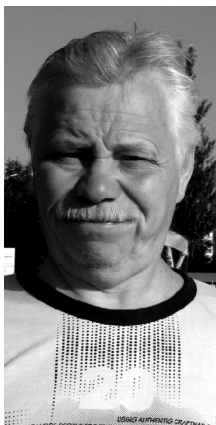
Гул затих. Я вышел на подмостки
В старомодном ветхом шушуне
Я ловлю в далёком отголоске:
Жизнь моя иль ты приснилась мне?

Там, в полях, за синей гущей лога,
Сквозь туман кремнистый путь блестит,
Пролегла песчаная дорога,
И звезда с звездою говорит.

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Прислонясь к дверному косяку:
Но и я кого-нибудь зарежу?
Что случится на моём веку?

Я обманывать себя не стану
И играть согласен эту роль.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Ты на этот раз меня уволь:

Не злодей я и не грабил лесом,
Но неотвратим конец пути:
Я всего лишь уличный повеса,
Жизнь прожить - не поле перейти.

Леонид
ЛОПАНИЦЫН
режиссер телевидения

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

* * *

О как давно я вас не видел... Слава Богу!

* * *

Я вас любил... Но это же не повод!

* * *

Я вас любил... Но вы же попросили!

* * *

Любимая! А потолок-то не побелен!

* * *

Хотел я раз эмансипе
На очень жестком канapé...
Но вдрызг разбилось канapé
О твердость той эмансипе!

* * *

Пальцы любимой ласкают меня...
В крови забурлила томления замаять!
Оторву, пожалуй, эти пальцы я.
И засушу... На память!

ОЙ! ОШИБКА...

* * *

Живет моя отра**Ва** в высоком терему...

* * *

Газовая гор**И**лка.

* * *

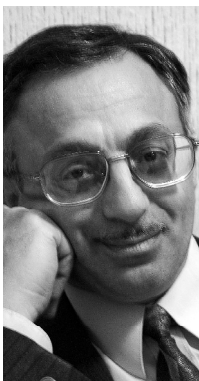
С полу фабрикаты.

* * *

Под**М**ятая целина.

* * *

ИМММитация деятельности.

**Владимир
ИСАКОВ**

*начальник пресс-центра
"НовГУ-информ"*

***Из цикла пародий
"НОВГОРОДСКИЕ ПЕРЕПЕВЫ"***

Шахматный облом

*Пожалуй, пешка на эф семь
Защитой слабовата.
За дело если взяться всем,
Добиться можно мата!*
Лев Шефер

Едва я пешкою с е-2
Пошел на е-4,
Соперник сдал свои права
На поиск перемирья.

Дебют уверенно развил,
Рванувшись в бой отважно,
И мат в три хода объявил!..

Но вышел - трехэтажный...

Неразделенность

*Одиночество -
Что проклятие.
Стиля хочется,
Да в халате я.*
Зинаида Яковлева

Одиночество
Невеселое...

Стиля хочется -
А я голая!
Дела жажду я -
Да в пижаме я!..

Взять бы каждого
Содержанием,
Но не лезу я
Неодетая...

И в поэзии
Без ответа я.

Я и Земля

*Я иду меж людей, так похожий на них.
У меня есть невеста - я ей не жених,
У меня есть планета, где я не жилец,
Но я чую, что это еще не конец.*
Антон Осипов (Боровичи)

Есть планета Земля, я на ней не живу,
Хотя вроде бы я по земле той хожу.
По земле я, прикинь, и туда, и сюда,
Но при этом вся жизнь - как сплошная беда.

Есть невеста, угу... Только я не жених:
Целовать не могу из-за мыслей моих.
Нет, без всяких "ха-ха" и без всяких "хи-хи":
Мозг захвачен стиха-ми как будто в тиски.

Я хожу меж голов, я глазею на них.
Не могу я без слов зарифмован-ны-ных.
А покинет мысля, все тогда проклянута
И с планеты Земля улечу на Луну!

Поправка

Люблю грозу я среди лета...

Надежда Лопатникова

Читала Тютчева (поэта).
Он про грозу несет пургу:
Про то, что май и гром... А лето?
А вот про лето ни гу-гу!

"Люблю грозу в начале мая", -
Сказал он явно невпопад.
И вот - поправочка простая...
Кто скажет, - это плагиат?

Волевые игры

*Колыбелью мне сделай туманы,
Разнотравье сложи в головах,
А качелью мне радуга станет,
Закалю свою волю в лугах.*

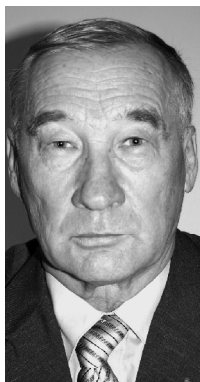
Евгений Росляков

Все качалось легко и упруго:
В небе - радуга, в поле - туман...
Как дошли мы с подругой до луга,
Свою волю ослабил весьма.

Нет, не думайте, что помочился, -
На такое не дадено прав.
Я всего лишь на луг повалился,
Разнотравье немного помяв.

И подругу свою я не тискал
И в траву не тянул, как в кровать.
Крепким сном я заснул, богатырским...

Как же можно меня не понять?

Геннадий ИГНАТЬЕВ

декан исторического факультета

ОДИН ДЕНЬ ОБЩИТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

(воспоминания о вытрезвителе)

Человек я тихий, общительный, скромный и ласковый. Очень быстро схожусь с людьми и сразу же нахожу общий язык. Вот почему мне так хорошо и уютно в маленькой летней забегаловке, притулившейся под зеленью городского парка. Гудит оживленная толпа, за стеклянными стенами блистает во всем великолепии подстриженная и приглаженная природа, напротив, за нашим грязным, уставленным бутылками из-под дешевого вина столиком, сидит в потрепанном синем костюме недавно обретенный друг. Тяжело облокотившись о стол обеими руками, ежеминутно теребит спутанные пшеничные волосы, мутными глазами рассматривает агитационный плакатик. Там, свиваясь тугими упругими кольцами, из горлышка огромной пузатой бутылки, шипя, выползает отвратительный зеленый змий. Намертво перехлестнув тонкую иссушенную шею изможденного алкоголика, он вопрошающе смотрит маленькими неподвижными бусинками глаз в самое нутро вдумчивого созерцателя.

"Голгофа!" - внезапно заливаясь чистыми искупительными слезами, шепчет приятель. "Гад, ты ползучий!" - в порыве благородного гнева страстно грозит он пальцем змию и, теряя равновесие, рухается на пол. Звенят опрокинутые бутылки, качнувшись, столик переворачивается,

содержимое с веселым гулом катится по полу. Друг, нагло вытянувшись в разлитых пивных лужицах, храпит, шевеля губами во сне. Шатаюсь, поднимаю столик, кладу наверх отломанную ножку и под громкие выражения буфетчицы выволакиваю тело на чистый воздух. Вечер наступал изумительный. Деревца двоились, троились, разбегались по сторонам. Земля дрожала. Очумелые носились люди. Они то появлялись, то исчезали, и все беззвучно и как-то странно. Дружок провалился в преисподнюю. Только что валялся у моих ног, а сейчас на его месте, высунув розовый язык, скалит зубы рыжая лохматая собака. Она пристально смотрит на меня жутким немигающим голодным оком, в ее заблудшей душе просыпаются людоедские инстинкты. Судьба собутыльника предстает в жуткой правдивой наготе. Она его съела, слопает и меня. Она не цивилизованная дворняга. Она дикая. Дикие все могут. Собака поджигает хвост, злобно ворчит, но тут резкие всхлипывающие звуки вольным и радостным потоком льются из глубин груди, весь организм выворачивается и псина, испуганно воя, бросается прочь. Блаженство. Облегчившись, растянулся на сочной молодой травке, поместив голову в клумбу, усыпанную чудными пахучими цветочками. Морфей нежно смежил усталые веки. Вокруг клубились розовые облака, сладостно распевали песни голенькие младенцы, подыгрывая на золотых арфах, там и сям порхали пречистые девы, ангелы резвились около неимоверно длинных столов. Они резвились и резвились, бегали и бегали, толкались и толкались, пока дружно не разбросали столы и, сверкнув голыми пятками, не умчались вверх. Оказывается, это я стремительно взлетал в небо. Внезапно понял, что брыкаюсь и извиваюсь в жестких руках двух маренговых архангелов. Рядом, развернув пасть, урчала выкрашенная в нежный цвет, бывшая "раковая шейка", внутри которой копошились какие-то существа. "Братцы, да я трезвый!" - успел проворопить я, взлетая в воздух. Пузом, протаранив кузов, уткнулся в кроткого невеселого молчуна. Не ответив на извинение, этот пассивный элемент с презрением отвернулся. Я не стал портить отношения с нахалом, скромно присел в угол и поздоровался с обществом. Общество попало на редкость не компанейское. Исключительно эгоисты, впавшие в глубокий ступор, кроме одного мудрого студента. Стащив с ноги ботинок, трясущимися руками он судорожно пихал туда зачетку,

которая не лезла, и по лбу его катились трусливые капельки пота. "Зря стараешься, плакала стипендия!" - съехидничал бывалый опытный старичок. Машина тем временем мчалась, выделявая зигзаги, петляла по городским улицам, останавливалась в скверах, заезжала во дворы и отовсюду приносили и приводили ярых поклонников Бахуса. Последним впихнули интеллигента. Интеллигент дисциплинированно выжидал на газоне, попирая ногами грозную надпись "Ходить строго воспрещается". Он прижимался всем телом к юной стройной липе, покрывая ее страстными лобзаниями. Всю компанию сгрузили во дворе мрачного серого дома и ввели в полуподвальное помещение, освещенное тусклыми электрическими лампочками. В полутьме на кроватях отдыхали люди. Я сразу понял свое предназначение. Не надо раздеваний - сам разденусь. Отказался от услуг симпатичного добродушного сержанта. Сержант очень огорчился, но из вежливости ничего не сказал. Молча собрал одежду в простынь и унес. Слева положили усталого гражданина, того самого пассивного элемента. Он казался настолько уставшим от жизни, что всю дорогу не показывал ее признаков. Однако бесстыдное обнаженное кроватное ложе чудным образом влияет на психику людей. Некоторые только в ее недрах ощущают себя человеком. Проблема подспудного влияния кровати и ее магические свойства, по моему, стоят выше сил и разума простого человеческого разума. Молчун волшебным образом изменился. Из него полились цитаты. Визгливо, с закрытыми глазами, он верещал на всю спальню. Я посуровел. Серенькая личность бессовестным образом плевала на дорогой отдых целого коллектива. "Товарищ!" - решительно потребовал я: "Дайте отдохнуть!" Личность игнорировала. С трудом обернувшись в ее сторону, я обнаружил нечто смугло-черное на белом фоне. "Гад!" - душераздирающе завопил честный гражданин справа. Он выскочил из кровати в длинных, до колен, дедовских трусах, усы его топорщились, как у разъяренного тигра, вокруг седой, изъеденной плешинами головы, сиял ореол святости. "Бей пенсионеров, они нас по телефону стучают". Наверное, и меня "стукнули" пенсионеры по телефону. Бешено застучало сердце, зашумела в висках кровь. Бесформенное черное слева выкристаллизовалось в кудлатую голову, из хриплой глотки которой неслись дурацкие фразы. Приподнявшись, я с чувством опустил кулак на сморщенный лобик цитатника.

Седой ревнитель порядка удовлетворенно попрыгал на ноге, мстительно пнул заглохшего молчуна грязной пяткой, почесался и завалился спать. Утром хмурая седая очередь получала штрафы. Битый ничего не помнил, только изредка поглядывал в мою сторону с затаенной недоумевающей грусть. При выходе из милиции я натолкнулся на бледного студента. Без пяти минут инженер понуро сидел на скамеечке, огорченно рассматривая изжеванную зачетку. "Что, пропала стипендия?" - противно захихикал, отделавшийся пятеркой бывалый старичок. Я посмотрел на свежее солнечное утро, на бодрых улыбающихся людей и мне впервые стало грустно. "Пропала, пропала, пропала!" - эхом отдавались в мозгу слова старичка.

БАЙКИ ЛИХИХ ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ

В конце XX века в России началось очередное лихолетье, ломка основ и устоев, время революций и разбоя. Старая власть обрушилась, а новая, с ее правилами игры еще не устоялась. Наступил звездный час для разномастной шушеры - теневых дельцов, бандитов, в одночасье превратившихся в деловых людей и щеголявших в малиновых пиджаках с золотыми цепками на бычьих шеях; жуликов, безнаказанно дуривших простых людей; расплодившихся вороватых чиновников, наглевших от безнаказанности. Золотое время для наживы, миллионы сколачивались из воздуха, и казалось этому не будет конца.

Эту историю мне рассказал знакомый адвокат, который клялся и божился ее истинности, что все было именно так, при этом я видел, как горели его глаза - такое случается раз в жизни. К сожалению, счастье привалило не ему, а другому адвокату - женщине.

Как-то по осени ехал из Санкт-Петербурга в Москву на важную встречу деловой человек с охраной и чемоданчиком с одним или двумя миллионами долларов наличными. Проезжая Подберезье, он увидел указатель с надписью "Новгород". "Это что за Новгород?", - поинтересовался бизнесмен. Кто-то из сопровождения пояснил, что вроде бы древний город, где много церквей. "Давай заедем, посмотрим? В Москву еще успеем", - скомандовал последний. Мы не знаем, какие памятники истории успели осмотреть важные гости, но в Кремле были, потому что успели отметить и довольно крепко в Детинце, в замечательном, уютном и домашнем ресторане, располагавшемся в древней башне крепостной стены. К сожалению, в начале XXI века ресторан прикрыли, вдруг вспомнив, что рядом Святая София, и разводить греховодство в такой близости от Бога нежеже. Но мне думается, что, скорее всего при очередном переделе собственности, которая неизбежно возникает при смене власти, из-за свары не смогли придти к полюбовному соглашению.

Очарованный ароматом старины, древнерусской кухней, горячительными напитками и медовухой, новорусский господин расслабился и влился в народное веселье, царившее в ресторане. Несмотря на небольшие размеры, там можно было

от души попрыгать под барабанный бой маленького оркестра из трех музыкантов. Еще большим откровением явились девушки, одна краше другой. Новгородчина - заповедник славянства, где не было татаро-монгольского ига, леса и болота надежно укрывали наших предков, способствуя сохранению генотипа. Бизнесмен не устоял, воспыпал страстью, но девушка была не одна, под ногами мешался спутник, из нищих студентов. Ему, очкарику, отойти бы в сторону, но нет, полез в защиту, хлюпик, без бицепсов и бычьей шеи. С одного удара лишился он очков, части зубов, треснула челюсть. Тут само собой набежала милиция. Всех причастных доставили в горотдел, где дежурный следователь провел предварительное дознание. Здесь и всплыл чемоданчик с двумя миллионами, но с банковскими документами. Оснований для задержания капитала с целью выяснения не было. После оформления надлежащих документов всю публику отпустили, а предприимчивого человека нет. "Вам, вообще гражданин", - заявил следователь, "видимо придется задержаться у нас на несколько лет". "Как это!" - взорвался тот. "Ваши действия квалифицируются как хулиганство. В общественном месте, коим является ресторан, вы затеяли драку, нанесли студенту телесные повреждения. завтра судебно-медицинская экспертиза установит тяжесть и характер причиненного вреда. От этого зависит по какой статье на вас заведут уголовное дело, либо по 206 главе пункт 2, или по 109 УК РСФСР. Последнее дело за судом". "Да, вы, что, мужики!", - взревел бизнесмен, "Белены объелись?! Я завтра должен быть в Москве. Меня такие люди ждут!" "Ну не знаю, не знаю, чем вам помочь", - покрутил головой следователь, "отпустить вас я не могу, происшествие уже зарегистрировано, да и как быть с потерпевшим? В общем, вам нужен адвокат". "Давай адвоката, я на все готов". "Шапиро конечно, в Новгороде отсутствует, а вот Розалию Ивановну Лидянкину могу оповестить". "Я согласен и на Лидянкину", - не поняв юмора про Шапиро, откликнулся задержанный: "Только побыстрее". Розалия Ивановна была давней знакомой следователя, вначале она вообще не хотела по ночи тащиться в милицию, тем более что на улице было холодно и сыро, но когда узнала про чемоданчик, через пятнадцать минут знакомясь с делом. "Вот, что, коза", - развалившись на стуле, инструктировал ее деловой человек: "Ты там давай делай, что хочешь, но чтоб к утру я был на свободе". И коза постаралась, утром незадачливого туриста отпустили.

Деталей этого дела я не знаю и фантазировать не стану, но, то, что у студента появились золотые зубы известно точно. "Не может этого быть!", - горячо возразил мне отставной полковник милиции, когда я поделился с ним этой историей. "Раз драка зарегистрирована, в обязательном порядке должны возбудить уголовное дело, тем более естьотячающие обстоятельства, связанные с членовредительством". "Но его же отпустили!", - возразил я. "Да!", - протянул полковник в раздумье, и добавил: "Впрочем, можно записать, что вызов был ложный, тогда вопросов нет". История эта лишний раз подтверждает ту истину, что Россия тем и хороша, что в ней нет безвыходных положений, а наши законодатели самые мудрые в мире.

Еще рассказывают, что примерно в те же годы, в Луге, в начале весеннего таяния снегов, на автобусной остановке стояла кучка простолюдинов, не имевших собственного транспортного средства. В то же время в России аккурат начинался бум, когда для новых русских и их приспешников стали активно ввозить иномарки. Молодые красные пиджаки, почувствовав себя хозяевами жизни, изгалялись, как могли: устраивали на городских улицах автогонки, разбивая в хлам дорогие машины, совершали ДТП с наездами на мирных граждан, чем вызывали всеобщее негодование. Что касается мужских братков, то, по мнению знающих людей, они выделялись из общей массы криминала далеко не в лучшую сторону. Один из подобных отмороzków на полной скорости пронесся мимо остановки, окатив пассажиров потоком грязной воды, развернулся и еще раз проделал ту же процедуру, этого ему показалось мало, он остановился, вылез из машины и стал глумиться над людьми. Среди граждан, ожидавших автобус, был неприметный старичок в овчинном полушубке, типичный деревенский житель, приехавший в город по неотложным делам. В годы минувшей войны Луга заслуженно считалась партизанским краем, население района оказывало героическое сопротивление немецко-фашистским захватчикам. Боевые традиции еще не умерли в нашем народе. Старичок, вдруг громко выразившись народной фольклорной речью, распахнул полы шубы, а там знаменитый ППШ, краса и гордость Красной Армии. Ох, и врезал же он очередному по крутой машине, от всей души с тем же фольклором. Крутой паренек в лужу нырнул с криком: "Не убивай меня дяденька, я больше не буду!" Началась форменная паника, благодаря которой старичок бесследно исчез. Впрочем, возможно, то был не простой селянин, а партизан времен Великой Отечественной, заблудившийся в

пространстве и времени. Вот какую удивительную историю довелось мне услышать. За ее достоверность никоим образом не ручаюсь, может выдумка, а может быть.

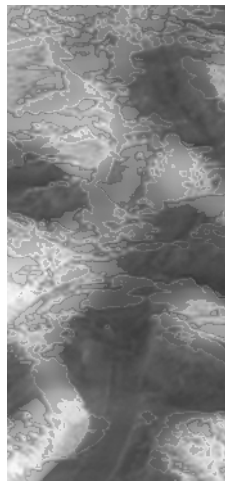
С конца восьмидесятых годов в стране началась перестройка, во главе с великим реформатором Михаилом Горбачевым. Одним из ее главных направлений было восстановление рыночных отношений, порушенных большевиками. С рыночной экономикой связывали надежды на возрождение России. Рынок, сам все поставит, утверждали младореформаторы Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и их соратники, народ быстро обогатиться через малый и средний бизнес. В средствах массовой информации поднялся небывалый шум, граждан призывали уйти в предпринимательство. И люди клюнули, в теории казалось просто - взял кредит, основал дело и греби деньги лопатой. Сродни золотой лихорадке на Аляске времен Джека Лондона в больших и малых поселениях России зашевелились разномастные бизнесмены. Начальство ликовало, повсюду, как грибы после дождя. Возникали ларьки, ларечки, какие-то конторы, финансовые учреждения, зазывавшие граждан отдавать им свои кровные под фантастические проценты. Начался обмен опытом, делегации пытливых адептов рынка мотались по городам в поисках птицы счастья. В те времена огромное впечатление на деловых людей произвели огромные успехи первых новгородских бизнесменов. "Помню", - вспоминает Евгений Кивович Блувштейн, депутат первого демократического горсовета, - "повезли нас на птицеводческую ферму предпринимателя Лихневича, что располагалась рядом с Аракчеевскими казармами. Вышли мы из автобуса, стали кружком у ворот огромного ангара, смотрим, как суетятся рабочие, бегают меж них Лихневич. Вдруг все замерло, в напряженной тишине прозвучала команда и ворота медленно распахнулись, раскрыв бездонное чрево бывшего склада, а оттуда, вы не поверите, стройными рядами двинулись на нас краснолапчатые гуси, штук пятьсот, не меньше, в армии так не маршируют, как эти пернатые бойцы. Промаршировали до одной им известной точки, четко развернулись всей колонной и образцово, в полном порядке, без шума и гогота, укрылись в ангаре. Все были в шоке. Вот они - зримые успехи перестройки. Разве мыслимо ли было заставить советских пернатых проделать подобный кордебалет. Вот на какие чудеса способно подлинно свободное предпринимательство.

Вдохновленная столь впечатляющими успехами, власть

решила провести в Москве всесоюзное совещание по углублению наметившихся позитивных тенденций. Открытие совещание наметили на 17 августа 1993 года. Прибыло на него более полутора тысяч участников, в том числе и я. Разместили всех по гостиницам, где-то в юго-западном районе столицы, а по утру, когда мы проснулись по телевидению одно лебединое озеро, да Янаев с трясущимися руками, объясняет, что Горбачев не оправдал доверие народа. Все, думаю, накрылось наше совещание, как гусей разводить, но нет - к десяти утра автобусы подали, привезли в большой актовый зал, в президиуме бок о бок с такими финансовыми гигантами, как Борис Федоров, Егор Гайдар сидят Зиновий Гердт, да Андрюша Миронов, и согласившийся народный любимец Анатолий Чубайс, тонкий и белолыцый, без того красноватого загара, каким сегодня отливает его лицо. По началу про гусей не вспоминали, больше беспокоились о демократии, все призывали защитить, горячо, страстно, но на баррикады почему-то не позвали. Там один Ельцин за младореформаторов отдувался. Под занавес немножко поговорили по повестке дня. Уже тогда Анатолий Борисович имел предчувствие, что впереди ему светят нанотехнологии. Вся страна видела, как он премьеру лампочку показывал. Тридцать лет будет гореть, не перегорит. И тогда прорвались к нему на сцену какие-то сибирские изобретатели по поводу очистки сточной воды. Подняв над головой сосуд с мутной жидкостью, кинули щепоть какого-то порошка, сунули членам президиума. "Пейте, не помрете, наоборот, всеобщее улучшение наступит". Все убоялись, особенно Федоров, даже руками замахал, а вот Чубайс нет. При всем при том надо сказать, сильная личность, сосуд взял и отпил. Вот это человек, ничего его не берет - ни сточные воды, ни взрывчатка диверсанта Квачкова.

А я позже отошел от игр в малый и большой бизнес. На службе спокойнее, особенно на государственной, за царем ведь не пропадешь.

*"Понять другой
язык, другого
человека..."*

Александр ЛУКИН,
офицер запаса

ПАВЕЛ ЛЮБАЕВ. ПОБРАТИМ.

(перевод с эрзя-мордовского)

Мы шли победно до Берлина,
И ,кажется, остался миг,
И,кажется,все пули -мимо,
А друг мой головой поник...

Пришел он из земли эрзянской,
Такой же, как и я, мордвин.
И был он из семьи крестьянской,
А брал поверженный Берлин!

Жжет сердце вражеский осколок,
Быть может, был он - для меня!
Как тяжек путь наш был и долог
К последней линии огня !

Не увидел мой друг победы
Ни в сорок пятом,ни потом.
Но помнят все отцы и деды
О том, о времени крутом.

Мне память не дает покоя,
И я иду на встречу с ним, -
В саду из мрамора изваян,
Стоит мой друг и побратим.

Стоит мой друг и хмуры брови,
Холоден плеч его гранит,
Но жар его горячей крови
Мой разум до сих пор хранит.

...Последние листы ложатся
На твой гранитный пьедестал.
И памяти там не кончаться,
Где побратим навечно стал.

Марина ЖУКОВА,
доцент кафедры русского языка

КАК ИСПОЛНИТЬ МЕЧТУ?

(вариации на тему стихотворения
Жака Превера "Как нарисовать птицу")

*Сначала нарисуйте клетку
с настежь открытой дверцей,
затем нарисуйте что-нибудь
красивое и простое,
что-нибудь очень приятное
и нужное очень для птицы;
затем в саду или в роще
к дереву плотно прислоните,
за деревом этим спрячьтесь,
не двигайтесь и молчите.*

Жак Превер

Как там у Превера? Нарисуйте клетку?
С этого начинайте исполнение мечты?
Что ж, стоит попробовать. Это ведь просто!
Вывожу каждый прутик,
Особенно тщательно дверцу,
Она должна быть открыта,
Чтоб в неё залетела птица.
Имя её Вдохновение,
Или, может быть, Муза?
Жду терпеливо, зная,
Что ждать можно долго,
Так невозможно долго,
Что может покинуть надежда.
Но нужно верить -
Однажды проснусь рано утром и увижу:
Птица - вот она, в клетке!
Я протяну руку и, затаив дыхание,
Дверцу закрою.
Главное - не спугнуть это чудо.
Запереть птицу не так уж и сложно,
Но только в клетке

Птицы поют очень редко.
Они ведь поют на воле.
Схитрю - нарисую дерево
И на нём ветку, похожую на настоящую,
С листочками нежными и такими зелёными.
Ещё нарисую небо и на нём
Солнечный круг,
А рядом с деревом - домик,
На крыше - трубу, и дым из трубы -
Ту самую первую
Картинку из детских воспоминаний.
А клетку возьму и тихонько сотру
Обыкновенным ластиком из школьного ранца.
Только бы не спугнуть редкую гостью!
Полетит ли на ветку певунья,
Не заметив, что дерево нарисовано мною?
Запоёт ли, да так, чтобы дух захватило?
Запоёт - значит, всё не напрасно
И стоило верить и ждать так отчаянно
Долгие месяцы, годы и даже всю жизнь.
Ведь поющая птица на ветке,
Моею рукой нарисованной,
И есть исполнение мечты -
Той самой, что на донышке сердца
Жила потаённо так долго!
Попробуй! Нарисуй клетку...

1 ноября 2011

Ирина НАЗАРОВА,
*преподаватель кафедры
иностраннных языков*

**ЛЮДВИГ УЛАНД.
ПРОКЛЯТИЕ ПЕВЦА.**

(перевод с немецкого)

Когда-то дивный замок в одном краю стоял
До берегов лазурных он роскошью блистал.
Венком благоуханным цвели вокруг сады,
И в радуге искрился фонтан живой воды.

Непобедимый конунг там занимал престол,
Он был богат несметно, при этом хмур и зол,
был помыслами страшен и на расправу скор,
И все, что ни подпишет, был смертный приговор.

Однажды музыканты явились во дворец,
Один седой и мудрый, другой совсем юнец.
Придерживая арфу, старик сидел верхом,
А златокудрый спутник шел рядышком пешком.

Старик сказал: "Готовься, нам предстоит с тобой,
Спеть лучшую из песен, ты полной грудью пой,
Вложи всю силу страсти, и боли, и огня,
Тронь каменное сердце и душу короля.

Артистов проводили в роскошный тронный зал,
Где со своей супругой правитель восседал.
Он в мантии кровавой был страшен и могуч,
Она с луною схожа, глядящей из-за туч.

Лишь струн коснулся мастер, и звук едва извлек,
Как музыкой волшебной наполнился чертог,
Тут влился голос юный небесной чистотой,
И старец ему вторил духовной глубиной.

Они о чувствах пели, блаженных временах,
О святости, о воле, о доблестных мужах,
О том, что всех тревожит, и каждого страшит,
И, что всего дороже для сердца и души.

Вельможный круг в почтённом молчании застыл,
Коленопреклоненно взор к Богу обратил,
От неги и восторга царица в дар певцам,
С груди, срывая, розу бросает к их ногам.

"Вы мой народ смутили, ввели жену в соблазн!"
Всем телом конунг трясся, блеснул недобрым глаз -
И тут же меч свой острый он в юношу вонзил,
И вместо песен дивных кровавый ключ забил.

Как после страшной бури толпу рассеял страх,
А юный бард скончался у старца на руках.
Он в плащ его закутал, на лошадь посадил,
И, привязав покрепче, от замка поспешил.

Но вдруг остановился у городской стены,
И поднял свою арфу, ей не было цены,
От боли о колонну разбил ее старик,
Пронзительный и резкий взорвал округу крик:

"О, будь ты проклят, замок, не будут больше впредь
Под сводами твоими искусства жить и петь!
Тебя наполнят стоны, шаги рабов и страх,
Покуда духи мести твой не развеют прах.

Будь проклят сад цветущий, влюбленный в майский свет,
Смотри, он мертв! Не дышит, убит во цвете лет.
О, чтоб тебе иссохнуть, источники воды
Пускай навек иссякнут, и станешь камнем ты.

Мучитель и убийца, навеки проклят будь!
Венки кровавой славы твой не отметят путь,
Твое забудут имя, как будто страшный сон,
Его с предсмертным хрипом поглотит мрак времен.

Старик взывал, и небо откликнулось на зов -
Дворец лежит в руинах, зарос бурьяном ров,
Жива одна колонна, но и она вот-вот,
Разрушенная ветром, к рассвету упадет.

На месте сада нынче - пустырь уныл и дик,
Ни деревца, ни тени, и не журчит родник.
Про конунга не помнят ни песни, ни сердца -
Исчез во тьме. Свершилось проклятие певца.

2009

Содержание

5

1 раздел

55

2 раздел

89

3 раздел

133

4 раздел

155

5 раздел

1. "Тревожась о судьбе земли и неба..."

6	Юрий ФАБРИЧНИН
15	Руслан ДЕРИГЛАЗОВ
19	Татьяна АЛЕКСЕЕВА
26	Сергей КАРТАШОВ
29	Сергей ПАРХОМЕНКО
32	Виктория ВОЛКОВА
33	Василий ИВАНОВ
34	Дмитрий ИВАНОВ
37	Ирина НАЗАРОВА
44	Александр ЛУКИН
45	Владимир КАСЬЯНОВ
51	Светлана ДЕРЕПАЩУК

2. "И счастье просто- напросто - жить..."

56

Дарья ПЕРЕВАЙ

61

Олег ЯРОВИКОВ

64

Светлана ПОПОВА

69

Григорий КНЯЗЕВ

77

Анна КУКУШКИНА

81

Евгений ПРЯНИЧНИКОВ

84

Анна ЛОЖКИНА

86

Сергей АРСЕНТЬЕВ

3. "А потом вдруг, ни с того ни с сего..."

90

Светлана ГОРИНА

95

Евгений ЖУКОВ

103

Юлия СТУПИНА

109

Антон БОЧАНОВ

112

Виктор КУТКОВОЙ

117

МАРИНА ЖУКОВА

120

Максим ГУРЕЕВ

122

Полина МУХИНА

4. "Не щекочи мою любовь!"

134

Николай СУМАРОКОВ

141

Леонид ЛОПАНИЦИН

143

Владимир ИСАКОВ

146

Геннадий ИГНАТЬЕВ

5. "Понять другой язык, другого человека..."

156

Александр ЛУКИН

157

Марина ЖУКОВА

159

Ирина НАЗАРОВА

Сборник поэзии и прозы

Ярославов День

Великий Новгород 2011

Оригинал макет подготовлен
пресс-центром "НовГУ-информ"
Изд. лиц. ЛР № 020815 от 21.09.08
Подписано в печать 20.11.2011
Формат 60х84 1/16
Усл.печ.л. 9,7 Уч.-изд.л. 6,42
Тираж 500 экз.
Заказ № 459
Отпечатано в ЗАО "Новгородский технопарк"
173003, Великий Новгород, Большая Санкт-
Петербургская 41.
Тел. 73-76-76